

V. «Полное собрание» и то, что в него не поместилось

ло предвидеть, некоторые были «за», а некоторые «против». Но среди множества тех, которые были против (выведя за скобки тех, кто прямо называет меня приспешником жидовского лобби), большая часть пеняет на то, что я иронизирую над страстями Христа (исторического), а не над «Страстями» Шбсона.

Прихожу к выводу, что для этих оппонентов не существует различия между Христом фильма и Христом Евангелия. Они не отдают себе отчета, что смотрели в фильме на актера, загримированного Христом, а не на живого Иисуса. Отождествлять репрезентацию с репрезентуемым — одна из современных форм идолопочитания. Как бы то ни было, я в восторге от лучшей записи на сайте: «Эх, Умберто, сломал кайф, рассказал, чем кончается».

Те, кто больше не верит в Бога,
верят во все подряд¹

Верят в Нулевой год²

Конец 2000 года нашей эры приблизился, и во всех газетах, а также у всех на устах — разговор о том, что Третье тысячелетие наступит через секунду после удара часов в полночь 31 декабря 2000 года.

Ничто не способно сравниться по летучести с газетной и журнальной информацией и, возможно,

1 Это высказывание приписывают Честертону, но Американское Честертонское общество утверждает, что фраза — синтез нескольких высказываний.

2 «Credere all'Anno Zero». «Эспрессо», декабрь 2000 г.

Те, кто больше не верит в Бога, верят во все подряд

читатели газет уже позабыли ожесточенную прошлогоднюю полемику. Громадная коммерческая машина, охватывавшая и агентства путешествий, и рестораны, и производителей шипучих вин, решила, что 31 декабря 1999 года кончалось второе тысячелетие и в 2000 году наступало третье. Тщетно порывались математики воззвать к здравому смыслу, убеждая все общество, что если счет начинается с единицы, числа с нулями замыкают (а не открывают) каждую десятку, каждую сотню и каждую тысячу. Армандо Торно¹ на страницах «Коррьере делла Сера» только что воспроизвел всю историю сначала, но и ему пришлось признать, что очарование двух нулей уже не в первый раз торжествует над логикой и день рождения XX века праздновался в 1900 году вопреки здравому смыслу и арифметике.

Ну бог с ним, сила двойного нуля одержала победу над здравым смыслом, и естественно, что потребительское общество этим воспользовалось и что наши современники подняли бокалы за третье тысячелетие в последний день 1999 года, а в отношении 2001 года испытывают лишь несильное возбуждение, как перед приходом любого другого новогодия.

Так уж устроены люди. Но я тем не менее помню, что в прошлом году, стоило мне заявить в «Эспрессо», что мы еще не распочинаем новое тысячелетие, как в редакцию полетели письма, содержавшие хитроумнейшие расчеты, имевшие целью продемонст-

1 Армандо Торно (р. 1954) — критик, эссеист, заведующий культурным отделом в газете «Иль Соле 24 оре».

V «Полное собрание» и то, что в него не поместилось

ривать, что тысячелетие должно было начаться год назад, с притянутым за уши Дионисием Малым¹ и с предположением (абсурдным), будто в каком-то их альтернативном календаре существует нулевой год (из чего следует единственный вывод, а именно — что через двенадцать месяцев после рождения Иисуса Христа ему должно было исполниться ноль лет).

Интересно, что среди писавших были не только легковеры, будущие участники передачи «Большой брат», фанатики новогодних кексов² и тихоокеанские лемминги. Там были лучшие ученые, философы, лингвисты, герменевтики, афористы, языковеды-специалисты по романским языкам, энтомологи и археологи. Как могло произойти, что такие образованные люди всею душой своей желали, чтобы миллениум начался в году 2000? Если им так хотелось отпраздновать двойное новогодие, почему они не отправлялись на острова Южных морей или на Алеуты?

Чтоб разобраться в этом, припоминаю, как я был маленький и погружался в грезы над Сальгари и другой приключенческой романтикой, пытаюсь вооб-

1 Дионисий Малый — канонист ранней христианской церкви. Около 500 г. прибыл из Византии в Рим. Составитель «Сборника церковных правил» и трудов по хронологии: от него ведет свое начало нынешнее летоисчисление от Рождества Христова, которое он датировал 754 годом от основания Рима, допустив, по исчислениям позднейших хронологов, неточность в четыре года, якобы в действительности год рождения Иисуса — 750 от основания Рима.

2 Имеются в виду миланские новогодние сладости в виде куличей с цукатами, panettoni.

Те, кто больше не верит в Бога, верят во все подряд

разить, какими же будут чудеса 2000 года. Сердце так и екало: увижу ли двухтысячный год? После должных подсчетов я приходил к выводу, что в двухтысячном году мне исполнится шестьдесят восемь лет. Не успеть мне, горестно размышлял я тогда. Дожить до таких годов... Но потом я припоминал, что встречался с людьми и семидесятилетними (а также слыхивал, что земную жизнь проходят до половины к тридцати пяти годам¹), и из этих предпосылок получалось, что если повезет, могу и успеть. Признаюсь, что в прошлом году, приблизительно осенью, я стал бояться, что автокатастрофа, инфаркт или убийство, умышленное или непредумышленное, остановит за несколько недель до финиша мое победное шествие к рубежу третьего тысячелетия.

Я продолжал осторожно тревожиться до двадцати трех часов сорока пяти минут 31 декабря 1999, а потом замер спиной к стеночке, стараясь даже не высовываться в окно, откуда доносились угрожающие Биг-Бэнги фейерверка, и терпеливо дождался фатального мига. Лишь после него я перевел дух и лихо предался возлияниям, потому что теперь уже, умри я прямо на месте, все равно успеть-то я явно успел!

Вот вам и отмычка тайны. В силу ряда нумерологических причин, по крайней мере для пожилого контингента, преодолеть 2000 год означало выиг-

1 «Земную жизнь пройдя до половины» — первая строка «Божественной комедии» Данте (пер. М. Лозинского). На момент этого видения (1300 г.) поэту как раз исполнилось 35 лет.

В «Полное собрание» и то, что в него не поместилось

рать партию против смерти. Этим-то объясняется, с какой стати всем понадобилось по возможности придвинуть финиш. Невинная хитрость (и, полагаю, бессознательная), но для победы над смертью люди готовы и на такое и на большее: в «Седьмой печати»¹ люди играют со смертью в шахматы.

Верят в алхимию²

Ну что вот раздражает в «нью-эйдже»? Не столько вера, будто на жизнь воздействует положение звезд. В это множество умных людей верило. И не столько вера, будто Стоунхендж — нечто сверхъестественное, магическое и астральное. Притом что лично мне кажется довольно банальной идея, возникшая во времена, когда людям уже были известны солнечные часы — идея расставить крупные валуны по линиям восхода и захода солнца. Только всякий раз я задумываюсь: до чего же они лучше наблюдали за солнцем, чем за ним наблюдаем мы. Да, они наблюдали лучше.

Нет, в «нью-эйдже» раздражает синкретизм. Синкретизм (в дикорастущем виде) — это не когда верят

1 «Седьмая печать»(1957) — фильм шведского режиссера Ингмара Бергмана (р. 1918). Действие происходит во времена крестовых походов, в разгар эпидемии чумы. Рыцарь Антониус Блок возвращается домой, там его ждет смерть, и Антониус, понимая, что утратил веру в святое, предлагает смерти сыграть в шахматы, надеясь за время матча вернуть себе утраченную веру.

2 «Credere all'alchimia». «Эспрессо», март 2001 г.

Те, кто больше не верит в Бога, верят во все подряд

во что-то, а когда верят сразу во все, причем в такое все, части которого взаимопротиворечат.

Опасность синкретизма постоянна. Читаю в «Коррьере делла Сера» от 23 февраля две статьи Чезаре Медайля, напечатанные на одной и той же странице. Заметим в скобках, что каждая статья, взятая сама по себе, вполне корректна. В первой рецензируется книга Майкла Уайта «Ньютон», опубликованная в издательстве «Риццоли». Книга сильно склонится к сенсационности, в ней преподнесены в виде крупной новости хорошо изученные наукой данные, перепутаны названия знаменитых трудов и создано впечатление, что Корнелий Агриппа и Иоганн Валентин Андреаэ¹ творили на английском языке, а также доверительно пересказана легенда, будто Фома Аквинский баловался алхимией. Из книги явствует, что отец современной науки Ньютон не только питал интересы, которые мы ныне называли бы эзотерическими, но и к своим великим физико-математическим открытиям пришел ровно потому, что верил: миром заправляют оккультные силы. Это именно и доказывается.

Рядом напечатана другая колонка, в которой Медайль пишет о новой волне интереса к алхимичес-

1 Корнелий Генрих Агриппа Неттесхеймский (1486-1535) — немецкий философ, алхимик, писавший оккультистские трактаты (напр. «Об оккультной философии», 1509—1533) на лат. яз. Иоганн Валентин Андреаэ (1586-1654) — немецкий богослов, которому приписывается авторство аллегорического романа «Алхимическая свадьба Христиана Розенкрейца» (1616), одной из основополагающих книг розенкрейцеров. Писал на лат. яз.

кой литературе и цитирует для примера несколько названий издательского каталога «Эдициони Медитерранеэ». Эта серия существует уже много лет и адресована тем, кто и сегодня верит в алхимию (в частности предлагается перечитывать не больше не меньше как Фульканелли¹). Иногда в этой серии появляются и книги серьезных ученых, но вообще синкретизм работает так: сваливая в единую кучу дурацкую и серьезную литературу, добиваются эффекта, при котором серьезные книги придают авторитетность несерьезным.

Какие же выводы делает читатель, видя соседство двух колонок в «Коррьере делла Сера»? Он делает синкретические выводы. Он начинает думать, что если оккультизм повлиял на научную работу Ньютона, и если оккультизму посвящается столько книг, значит, оккультизм важен и нужен. Вот в такой логический замкнутый круг попадает простодушный читатель.

Америку открыли потому, что полагали, будто плавание на запад приведет в Индию. Полезные открытия могут вдохновляться ложными предпосылками и совершаться по счастливому недоразумению. Однако тот факт, что Колумб добрался до Америки, не доказывает, будто дорога на Восток короче всего через Запад. Наоборот, открытие Колумба убедило всех, что до Индии ближе двигаться в обрат-

1 Фульканелли — вымышленный персонаж, автор томов «Загадки соборов» (*Le Mystère des Cathédrales*, 1926) и «Укрывища философов» (*Les Demeures philosophales*, 1931). Персонаж на грани пародии, ставший героем высмеивающего его комикса, выпускаемого в США компанией DC Comics.

ную сторону. Португальские путешественники исследовали Африку, потому что мечтали отыскать в Эфиопии сказочное царство всемогущего Иоанна Пресвитера. Этим царством считали Абиссинию. Именно благодаря путешественникам мы узнали, что в Эфиопии не было царства всемогущего Пресвитера, и даже совсем наоборот: там было царство до такой степени хлипкое, что его без труда завоевал маршал Бадольо¹). То же самое получилось с мифом об Австральной Земле (*Terra Australe*²): веря в эту красивую сказку, открыли Австралию и в то же самое время убедились, что не существует такой земли, которая была бы насажена как колпачок на южный полюс нашей планеты.

Не всегда два утверждения равно соответствуют действительности. Занимаясь алхимией, Ньютон как раз-таки доказал нам, что алхимики ошибались. Это не отменяет того очарования, которым окутана алхимия и в моих глазах, и в глазах Чезаре Медайля, и

1 Пьетро Бадольо (1871-1956) — маршал итальянской армии, в 1943-45 гг. председатель совета министров, в 1936 г. провел победоносную Вторую Итало-Абиссинскую войну и объявил о создании Итальянской Восточно-Африканской империи, в которой провозгласил себя вице-королем и губернатором Эфиопии.

2 «...среди вод так называемого Тихого (португальцы считают его тихим!) океана безусловно лежит Австралия, то есть "южная", Неисследованная Земля. Мы имеем данные только о близких к ней островах, крайне скудные данные о линии ее берегов, но имеем в то же время полную уверенность, что она преизбыточествует богатствами... первым высадился на эту Австралию землю француз, господин Гоннвиль, за шестнадцать лет до экспедиции Магеллана». (Эко У. *Остров Накануне*. Гл. 17).

В «Полное собрание» и то, что в него не поместилось

в глазах многих других коллег. Я очаровываюсь и Фантомасом с Микки-Маусом, и Мандрагором¹, при том что хорошо понимаю: все они — фикция.

Верят отцу Аморту²

Около двух лет назад я уже писал в «Картонках Минервы» о Гарри Поттере; это было после выхода третьего тома, когда англосаксонский мир сотрясся дебатами, допустимы ли в воспитательном процессе магия и колдовство и не примут ли наши дети за чистую монету весь этот оккультный вздор. Теперь же, когда после выхода фильма мода на Поттера охватила воистину весь земной шар, мне случилось наблюдать по телевизору спор колдуна Отельмы, счастливейшего из смертных с тех пор, как вошла в телевизионный обиход эта мощная пропаганда в пользу таких господ, как он (кстати говоря, он был разряжен столь колдунским образом, что, наверное, даже Эд Вуд³ постыщился бы вылезать в таком виде в фильме ужасов) с главным начальником экзорцис-

1 Фантомас — гений зла, герой сорока трех романов-фельетонов, создан писателями Пьером Сувестром (1874-1914) и Марселем Алленом (1885-1969) в 1911 г. В 1914-1915 гг. вышли первые фильмы о Фантомасе. В 1964-1966 гг. вышла знаменитая серия с Луи де Фюнесом Маг Мандрагор (с 1934) — персонаж комиксов американского художника Ли Фолка.

2 «Crede a padre Amorth». «Эспрессо», декабрь 2001 г.

3 «Божественный Отельма» — итальянский маг, регулярно выступающий в телешоу. Эд Вуд (1924-1978) — культовый американский режиссер, признанный создателем худших фильмов в истории мирового кинематографа.

Те, кто больше не верит в Бога, верят во все подряд

тов, отцом Амортом, с точки зрения которого истории Гарри Поттера — дьявольщина¹.

Соль рассказа в следующем. В то время как большинство присутствующих говорило, что и черная магия и белая магия — бред собачий (но это не значит, что не заслуживают серьезного отношения те люди, кто в магию верует), отец-экзорцист с превеликой серьезностью отзывался обо всех видах магии — черной, белой, в крапинку и в полосочку, — именуя их исчадиями Зла.

Если этим пахнет в воздухе, прихожу к выводу, что невредно сломать несколько копий в защиту пресловутого Поттера. Сюжеты книг о нем, конечно, построены на историях колдунов и волшебников, и неудивительно, что они так нравятся детям — дети спокон веку обожают рассказы о феях, карликах, людоедах и некромантах. Однако же никто не

1 Отец Габриеле Аморт (р. 1925) выполнял обязанности «изгоняющего дьявола» при Папе Иоанне Павле II и продолжает выполнять их при Папе Бенедикте XVI. Из высказываний отца Аморта в интервью Ватиканскому радио: «Конечно, дьявол существует, и он может завладеть душой не только одного отдельного человека, но даже группы людей или целого народа. Я убежден, что нацисты все были одержимы дьяволом». Является президентом Международной ассоциации экзорцистов. Его отзыв о книгах Дж. Роулинг «За Гарри Поттером прячется знак короля тьмы, дьявола». Обвиняя Роулинг, чьи книги содержат многочисленные позитивные отзывы о магии, «сатанинском искусстве», отец Аморт добавил, что в книге принята попытка ложного разграничения черной и белой магии, в то время как на самом деле такого разграничения «не существует, ибо магия — это всегда обращение к дьяволу». Отец Аморт совершил обряд изгнания дьявола более 30 000 раз за свою карьеру.

V. «Полное собрание» и то, что в него не поместилось

возникал с обличениями Белоснежки, не звал ее рождением Сатаны. Сказки о Поттере получили успех, потому что их сочинительница (по хитроумному расчету или по дивному наитию) сумела пересказать наново некоторые традиционные ситуации, восходящие к древним архетипам.

Гарри Поттер — сын хороших волшебников-супругов, убитых силами Зла. Но сперва Гарри этого не знает. Он живет под лестницей, бедный сирота, у злых тетушки и дяди. Потом ему рассказывают о его происхождении, он чувствует призвание колдовать и отправляется в частную школу для юных волшебников, где происходят многие приключения. Вот первая классическая схема. Юное незащищенное создание, прошедшее через многие обиды, узнает, что является отпрыском благородных кровей и ему уготовано светлое будущее. Мы имеем в одном лице Гадкого Утенка и Золушку, Оливера Твиста и Реми из французской книги «Без семьи»¹. Колледж Хогвартс, где обучают всевозможному ведьмачеству, скопирован с настоящих английских колледжей, где все обожают англосаксонские виды спорта, как обожают «квиддич» читатели-англичане (поскольку им интуитивно ясны все его правила) и читатели-иностранцы (потому что им эти правила нипочем не понять).

Другая архетипическая ситуация восходит к «Мальчишкам с улицы Пала»², или к «Запискам Джан

1 «Без семьи» (1878) — sentimentalный роман французского писателя Гектора Мало (1830-1907).

2 «Мальчишки с улицы Пала» (1907) — книга для подростков венгерского писателя Ференца Мольнара (1878—1952).

Те, кто больше не верит в Бога, верят во все подряд

Бурраски»¹, в общем к рассказам о том, как подростки оказываются вместе в каком-то пансионе и объединяются против придурковатых (а порою очень вредных) учителей. Добавьте, что подростки у Роулинг летают на метлах: вот Мэри Поппинс и Питер Пэн. Хогвартс неотличим от тех таинственных замков, о которых мы читали в книжках «Юношеской библиотеки» издательства Салани (ныне публикующего в Италии серию книг о Гарри Поттере) — в романах, где мальчики в коротких штанишках и девочки с золотыми волосами развенчивали коварные планы бесчестного и хитрого противника, обманщика дяди, банды мерзавцев, и находили запрятанный клад, потерянную грамоту, замурованное подземелье.

Несмотря на то, что в «Гарри Поттере» произносятся страшные формулы и показываются жуткие чудовища (не забываем, что детская аудитория возвращена на уроках Рамбальди² и на японских мультфильмах), герои цикла Роулинг все же борются за доброе и вечное, как Тройка Бойскаутов³, и прислушиваются к разумным воспитателям, доходя до приторности (применительно к своему времени) сахарно-компотной повести Де Амичиса «Сердце».

1 «Записки Джан Бурраски» — роман для юношества, публиковавшийся итальянским автором Вамбой (Луиджи Бертелли, 1858-1920) периодическими выпусками с 1907 г. в отдельном томе — в 1920 г.

2 Карло Рамбальди (р. 1925) — итальянский специалист по спецэффектам, создатель Кинг-Конга (1976), многочисленных персонажей Спилберга, знаменитого «Инопланетянина».

3 «Тройка бойскаутов» (1858) — книга американского писателя Джона Таунсенда Тробринджа (1827-1916).

V. «Полное собрание» и то, что в него не поместилось

Неужели мы вправду думаем вслед за колдуном Отельма и отцом Амортом, будто, начитавшись историй о волшебниках, эти дети, когда вырастут, продолжат во все это верить? Каждый в детстве побаивался людоедов и вурдалаков, но, повзрослев, ожидает больше неприятностей от озоновой дыры, нежели от колдовского яблочка. Многие в детстве верили, будто детей находят в капусте, что не помешало нам, возмужав, освоить более эффективную и более приятную методику воспроизводства.

Так что проблема не в детях — дети предрасположены верить всем Котам и Лисам, а потом научаются беречься совершенно других, не таких сказочных мошенников. Проблема во взрослых людях. В тех, которые, будучи детьми, не зачитывались сказками про волшебников. В тех, которые по телевизору советуют зрителям гадать на кофейной гуще, узнавать будущее по картам, служить черные мессы, излечиваться гипнозом. Беда в наперсточниках, спиритах, экстрасенсах, собеседниках эманации, открывателях тайны Тутанхамона. Наслушавшись этих магов, того и гляди доверишься Коту с Лисою.

Верят в экстрасенсов¹

Если вы недовольны своими заработками и хотели бы поменять профессию, подумайте, не стать ли ясновидящим. Это одна из наиболее доходных специальностей, а также, могу заверить, и самых легких. Достаточно

1 «Credere ai sensitivi». «Эспрессо», январь 2002 г.

Те, кто больше не верит в Бога, верят во все подряд

но обладать минимальным обаянием, минимальной гибкостью и довольно большой бессовестностью. Но даже и без особого обаяния, подсказывает статистика, многие достигают успеха в экстрасенсорном бизнесе.

Попробуйте поставить опыт. Подойдите к любому человеку, первому попавшемуся (лучше, конечно, если этот человек расположен оценивать ваши паранормальные способности). Глядя неотступно ему в глаза, проговорите: «Чувствую, что кто-то постоянно о вас думает, человек, с которым вы много лет не делились, но когда-то вы его очень сильно любили, и страдали, потому что любовь была безответной. Вот теперь этот человек наконец понял, что ошибался в отношении вас. Он теперь к вам относится иначе, но понимает, что его время ушло». Ну что, как вы считаете, есть ли хоть один человек на свете, который в прошлом не пережил бы невезения в любви? Дело в шляпе. Он ваш. Он вам немедленно поможет, выложив все подробности про ту давно любимую особу, которую вы так проницательно вычитали в его голове.

Можно еще говорить и так «Кое-кто вас не ценит по достоинствам и говорит о вас гадости, но у него это от зависти». Маловероятно, чтоб испытуемый сказал в ответ, что он — любимец всех на свете и совершенно не представляет, кто бы мог о нем дурно отзываться. Скорее произойдет вот что: он немедленно назовет имя завистника и потрясется вашими дарованиями экстрасенсорного проницания.

Кроме того, всегда можно углядеть в ауре испытуемых тени покойных близких. Обратитесь к не-

V. «Полное собрание» и то, что в него не поместилось

молодому человеку и скажите, что рядом с ним явственно проглядывает силуэт кого-то пожилого, умершего от какой-то болезни сердца. У любого человека на земле было как минимум двое родителей, двое дедушек и две бабушки и если вам подфартит, еще какая-нибудь тетка или же дядя, крестная или крестный. При почтенном возрасте подопытного высока вероятность, что эти симпатичные ему люди уже переправились на тот свет, и из шести подразумеваемых родственников, думается, хотя бы одному привелось умереть от сердечной недостаточности. Если уж получится полный прокол, говорите, что, наверное, это силуэт родственника кого-то другого из собравшихся. Можете быть уверены, что среди слушателей окажется хотя бы один с реакцией: мол, да-да-да, это его папа или его мама, — после чего вы спасены: можете смело расписывать, какая аура исходит от этой присущей тени, рассказывать о любви, которую тень испытывает к говорившему или к говорившей, а слушатели, будьте уверены, уже тепленькие и готовы заглотать любое ваше словоплетение.

Внимательным читателям по их собственным наблюдениям известна техника, избираемая популярными личностями, которые выступают по телевизору. Ничего нет проще, чем убедить потерявшую ребенка мать или оплакивающего родителей человека, или вдовца, или вдову, что любимое существо не исчезло в никуда, а посылает некие сигналы с того света, и общение с ним возможно. Повторяю, ремесло экстрасенса незамысловато — на экстрасенса работают боль, печаль и доверчивость людская.

Те, кто больше не верит в Бога, верят во все подряд

Исключая, конечно, случаи, если вы нарветесь на сотрудника CICAP (Comitato Italiano per il Controllo delle Affermazioni sul Paranormale — «Итальянский Комитет по Проверке Сигналов о Паранормальном»), о каковой организации рассказано на вебсайте www.cicap.org и в выпускаемом Комитетом журнале «Шиенца э Паранормале». Сотрудники Комитета отслеживают феномены, которые принято полагать паранормальными — от полтергейстов до левитации, от парапсихологии до кругов на пшеничных полях, от НЛЮ до рабдомантов¹, чующих клады и воду, интересуются привидениями, провидениями, гнущим вилок силой взгляда, гаданьем по картам, охватывают все известные случаи плача мадонн и появления стигматов на статуях святых угодников. Сотрудники комитета показывают, в чем и где фокус, научно объясняют то, что кажется чудотворным, и часто проводят эксперименты, чтобы доказать: при некоторой ловкости рук каждый может запросто сделаться магом.

Лучшие ищейки CICAP — это Массимо Полидро и Луиджи Гарласкелли, составившие антологию, где собраны результаты работы многих членов Комитета «Охотники за оккультным. Десять лет исследования паранормальных случаев» (*Investigatori delVocculto. Died anni di indagine sul paranormale. Roma, Awerbi*). Рекомендую эту книгу всем, кроме тех, кто рыщет, обнаружив, что Деда Мороза просто выдумали. Остальные повеселятся.

1 Рабдомант (от греч.) — искатель кладов с помощью «волшебного» жезла.

V. «Полное собрание» и то, что в него не поместилось

Хотя веселого, наверное, мало. Тот факт, что SICAP должен вечно быть начеку, как раз доказывает, до чего распространено легковерие в нашем обществе, и даже если антология «против оккультизма» выйдет несколькими тысячами экземпляров, перевесят ли они Розмари Алтеа¹, которая спекулирует на чужой боли перед многими миллионами зрителей? Как внушить руководству, что подобные телепередачи вредоносны? Нам ответят — зато какая аудитория!

Верят в тамплиеров²

Сначала вы основываете монашеско-рыцарский орден, и он делается супермогущественным в военном и экономическом смысле. Затем находите короля, который желает избавиться от этого могущественного явления, настоящего государства в государстве. Находите подходящих инквизиторов, способных припутать к делу разрозненные сведения и составить из них жуткую мозаику, сделав выводы относительно заговоров, неопишуемых преступлений, невероятных ересей, коррупции и обвинив подсудимых в гомосексуализме. Вы арестуете и пытаете подозреваемых. Кто повинился во всех грехах, спа-

- 1 Розмари Алтеа — американская провидица, издавшая несколько вполне кассовых книг, переведенных на несколько языков. Специалисты из SICAP публично призывали ее подвергнуться проверке (за очень крупный гонорар), но ясно видящая уклоняется от любых контактов с ними.
- 2 «Credere ai Templari». «Эспрессо», декабрь 2004 г.

Те, кто больше не верит в Бога, верят во все подряд

сет себе жизнь, кто утверждает, что якобы невиновен, — угодит на плаху. Первыми подтвердят сострепанную инквизиторами теорию именно жертвы, и именно невиновные. Наконец, отберите у ордена все его немереные богатства. По этому рецепту был организован процесс, инспирированный против рыцарей-храмовников (тамплиеров) королем Филиппом Красивым¹.

Начинается история тамплиерского мифа. Вообразите, какой резонанс получил в обществе этот процесс, и насколько многие (не исключая даже и Данте) не только поразились несправедливостью, но и увлеклись предполагаемой тайной ученостью рыцарей, а также оказались под сильным впечатлением, видя, сколь многочисленные храмовники не были отправлены на костер, а после процесса и ликвидации ордена как будто испарились, исчезли в никуда. Нормальному скептическому объяснению (напугались, попрятались, переехали жить по-новому в другое место и предпочитали помалкивать) можно противопоставить оккультную и романтическую интерпретацию пропажи рыцарей: ушли в подполье и продолжали скрытно работать семь столетий. Так что они и сейчас среди нас.

Нет ничего легче, чем купить книгу о тамплиерах. Единственное огорчение, что на девяносто процентов (да нет, на девяносто девять) содержа-

- 1 Филипп Красивый (1268-1314) — король Франции с 1285 г. В 1307 г. начал процесс против ордена тамплиеров, закончившийся в 1314 г. полным уничтожением ордена во Франции и сожжением великого магистра Жана де Моле.

V. «Полное собрание» и то, что в него не поместилось

ние этих книжек — наглая липа. Ни один сюжет не вызывал такой ажитации у дилетантов всех времен и народов. Что ни день, отраждаются новые тамплиерские общества, постоянно орудующие на задворках истории, гностические секты, сатанинские братства, спириты, пифагорейцы, розенкрейцеры, иллюминаты, масоны, Приораты Сиона. Иногда их бредовость просто прет в глаза каждому, вроде случая со «Священной кровью и священным Граалем» Бэйджента, Ли и Линкольна, книги до того бестолковой и беспардонной, что читатель чувствует себя вправе наслаждаться этой писаниной как смешнейшим образчиком фантаистики. То же самое происходит при чтении «Кода да Винчи», в котором украдено и переписано все, что можно было только найти в предшествовавшей литературе. Но осторожнее — прочитав этот бред, тысячи читателей едут паломничать на место действия очередной псевдоисторической фальшивки, в Ренн-ле-Шато.

Единственный способ узнать, серьезна ли книга о тамплиерах, — заглянуть в конец: оканчивается ли действие в 1314 году, когда сожгли последнего гроссмейстера. Среди останавливающихся на этой дате исследований, назову вышедший в 1991 году в «Эйнауди» труд Питера Партнера «Тамплиеры». Недавно в «Мулино» переиздали книгу «Тамплиеры» Барбары Фрэйл — исследовательницы, которая посвятила изучению тамплиеров многие годы. В книге меньше двухсот страниц, это чтение краткое и живое. Книга снабжена богатейшей библиографией (к

Те, кто больше не верит в Бога, верят во все подряд

тому же серьезной). Барбара Фрэйл нисколько не сетует на последующую трансформацию тамплиерского мифа, напротив — она видит в храмовной легенде какие-то забавные романские повороты, о чем и сказано на заключительных двух страницах книги. Там Барбара Фрэйл предугадывает, какие новые и серьезные исследования могут быть выполнены в целях прояснения некоторых до сих пор темных аспектов «истинной» истории тамплиеров. Например: была ли связь между тамплиерами и культом Грааля? Это не исключается, учитывая, что их современник Вольфрам фон Эшенбах¹ намекал на что-то в подобном роде. Хотя я мог бы и возразить, что поэты, как нас учит Гораций, имеют право присочинять², и историк будущего тысячелетия, который найдет наши фильмы, где утверждается, что Индиана Джонс обнаружил Ковчег Завета³, не должен делать из этого веселого рассказа далеко идущие исторические выводы.

К слову о том, что в древнем тамплиерском сюжете не все еще до конца прояснено — Барбара Фрэйл упоминает кое-какие документы, недавно найденные в архивах Ватикана, которые дают возможность пересмотреть роль католической церкви в храмовном процессе. И тем не менее, к неудовольствию тех, кто и в наше время приписывает на визит-

1 Вольфрам фон Эшенбах (1170-1220) — немецкий поэт. Культ Грааля отразился в его поэмах на сюжеты Артуровского цикла, особенно в «Парцифале».

2 «Знаю: все смеют поэт с живописцем — и все им возможно» (Гораций. *Наука поэзии*. С. 9- Пер. М. Дмитриева).

3 «Индиана Джонс в поисках потерянного Ковчега» (1981) — фильм американского режиссера Стивена Спилберга.

V. «Полное собрание» и то, что в него не поместилось

ных карточках «тамплиер», исследовательница напоминает, что Климент V¹, отдав приказ упразднить орден, добавил еще и условие, что незаконны какие бы то ни было попытки его восстановить в каком бы то ни было виде без папского прямого согласия, и даже пригрозил отлучением от церкви любому, кто стал бы использовать имя и символику тамплиеров.

С другой стороны, в 1780 году те же самые аргументы использовал Жозеф де Местр, рассчитывая побороть неохрамовников своей эпохи. Орден храмовников-тамплиеров в свое время был на свете, он признавался и церковью, и некоторыми европейскими государствами, он был официально разогнан в начале XIV века. Тогда-то он и кончился. С того самого времени, поскольку копирайт не принадлежит никому, любой человек имеет право основывать заново этот орден, как все на свете свободно могут провозглашать себя верховными жрецами Озириса и Изиды. Египетскому правительству плевать на это.

Верят Дэну Брауну²

Каждый день мне попадается какой-нибудь новый комментарий к «Коду да Винчи» Дэна Брауна. Речь идет о том, что есть на итальянском языке. Я не собираюсь составлять библиографию всего того, что³ выпускается по этому вопросу в мире. А среди книг,

1 Климент V (ум. 1314) — Папа Римский с 1305 г. В 1312 г. распустил орден тамплиеров.

2 «Credece a Dan Brown». «Эспрессо», август 2005 г.

Те, кто больше не верит в Бога, верят во все подряд

вышедших в Италии — Хосе Антонио Уплате Фабо «Против "Кода да Винчи"» («Сперлинг и Купфер»), Барт Эрман «Правда о "Коде да Винчи"» («Мондадори»), Даррелл Л. Бокк «"Код да Винчи". Правда и ложь» («Армения»), Андреа Торниелли «Исследования о Воскресении» («Джорнале»), «Тайны "Кода"» («Сперлинг и Купфер») и, конечно, я перечислил не все. С другой стороны, если вас интересует обновленная и упорядоченная информация по этому вопросу, вы можете зайти на сайт «Опус Деи». Даже если вы неверующие. Там у них все списки очень аккуратные. Коль уж на то пошло, хотелось бы разобраться (и разберемся), отчего католическая церковь так носится с этим Дэном Брауном и так старается его ниспровергнуть. Но если уж и католическая церковь утверждает, что все содержащиеся в романе сведения — фальшивки, можете верить без колебаний.

Кое-что я должен все же уточнить. «Код да Винчи» — роман и в качестве такового имеет право содержать любые домыслы. Вдобавок он занимательно написан и читается единым духом. Не предсудительно, что в начале книги автор пробует нас убедить, будто все рассказанное — историческая правда. Что с того? Искушенному читателю знакомы нарративные подьезды к сюжетному рассказу, они есть часть функциональной игры. Беда-то совершенно в ином: у этого романа все читатели — неискушенные. Они действительно верят автору и его заявлениям. Так в балагане толпа кидает огрызки в марионетку-злодея.

Продемонстрировать, сколько исторической неправды в «Коде да Винчи», нетрудно. Хватило бы

У «Полное собрание» и то, что в него не поместилось

коротенькой статьи. И такие статьи появлялись — к слову сказать, сделанные превосходно. Хватило бы всего-то двух пунктов. Первый — что вся история с Иисусом, как он женат на Магдалине, как отправляется во Францию, основывает династию Меровингов и Приорат Сиона — вся эта муть печаталась много десятилетий в книжонках и книжатах по оккультным наукам от Жерара де Седа (о Ренн-ле-Шато)¹ до «Священного Грааля» Бэйджента, Ли и Линкольна. Что этот материал замешен на бреде и белиберде, известно с давних времен. Похоже, что Бэйджент, Ли и Линкольн хотели подать в суд (или подавали) на Дэна Брауна как на плагиатора. Какой же плагиат может быть при пересказе истинных фактов? Если я пишу биографию Наполеона и рассказываю истинные факты истории, я не могу потом обвинять в плагиате автора другой биографии Наполеона, пускай даже романизированной, за то что он рассказал те же самые истинные факты истории. Шум о плагиате поднимается, лишь когда украдено нечто личное, оригинальное (плод фантазии или наглое вранье — называйте как предпочитаете).

Второй пункт — пояснить, что книга Брауна кишит историческими ляпсусами, например — он выискивает новости об Иисусе (якобы утаенные церковной цензурой) в рукописях Мертвого моря, а нам известно, что эти рукописи совершенно не говорят об Иисусе, а говорят о разных еврейских делах, или

¹ Sede G. de. *Lor de Rennes* (1967): в этой книге сельский священник случайно натывается на реликвии тамплиеров.

Те, кто больше не верит в Бога, верят во все подряд

о ессеях. Браун не смог отличить кумранские рукописи (Мертвого моря) от папирусов Наг-Хаммади.

Интересно, что большинство книжек, посвященных обличению Дэна Брауна, и даже наилучшие из них, как, например, последняя, великолепно документированная, выпущенная только что издательством «Мондадори» книга «Расследование по следам "Кода де Винчи"» Мари-Франс Этшегуан и Фредерика Ленуара, чтобы разогнать эти две простые мысли на объем тома, обстоятельнейшим образом пересказывают все то, что украл Дэн Браун, в подробностях и со вкусом. В результате упомянутые глупости с каким-то извращенным упорством повторяются и перепеваются, по идее для того, чтобы развенчать идиотства и подделки, а по сути — тем самым способствуя распространению оккультного материала. Таким образом (принимая интересную гипотезу, которую реально предлагал недавно кто-то, а именно — что «Код да Винчи» есть сатанинский заговор), в любом существующем опровержении воспроизводится текст, вызвавший протест, так что обвинение служит ему рупором. Если это заговор, то он оказался успешен в наивысшей степени, спорить нечего.

Почему даже в таком порицаемом виде этот Код да Винчи самовоспроизводится? Потому что от публики исходит ненасытный спрос на тайны (а также на заговоры) и стоит ей только намекнуть на возможность соприкоснуться с чем-то таинственным, заговорщическим, то невзирая на предупреждение, что речь идет лишь о глупой выдумке грязных лгунов, публика толпами берет все цитируемое на веру.

V «Полное собрание» и то, что в него не поместилось

Думаю, этим-то и озабочена церковь. Вера в Код (и в другого Иисуса) — показатель упадка христианства. Когда люди перестают верить в Бога, говорил Честертон, они не то чтобы не верят в ничто — совершенно напротив, они начинают верить во все. Даже в добросовестность СМИ.

Я, конечно, описал только мои личные чувства. И все же не могу забыть кадр телепрограммы, когда молодой олух на площади Святого Петра (огромная толпа ждала сообщения о кончине Папы), с мобильным телефоном и с улыбкой от уха до уха, махал «чао-чао» в телекамеру. Зачем он торчал на площади, в то время как многие по-настоящему верующие люди остались дома и отдались молитве? В ожидании медиатических чудес он, конечно, был полностью готов к приятию вести, что Иисус женился на Магдалине и вместе с Жаном Кокто¹ мистически и династически вступил в родство с Приоратом Сиона.

Верят в Предание²

Что такое на самом деле черные дыры, многим читателям неизвестно, да и я, признаться, воображал себе эти дыры примерно в виде рыбы из мультфильма

1 Жан Кокто (1889-1963) — французский писатель, драматург, поэт, художник, кинематографист. В книге Бэйджента, Ли и Линкольна (см. выше) Кокто внесен в вымышленный список великих магистров тамплиеров. Там же разбирается фреска Кокто «Магическое распятие» в церкви Богоматери Французской в Лондоне, как образец мистически-окультишной живописи.

2 «Credere nella Tradizione». «Эспрессо», июль 2004 г.

Те, кто больше не верит в Бога, верят во все подряд

«fellow Submarine»¹, которая жрет все, что видит, и под конец сжирает себя. Но чтоб уяснить смысл сообщения, ставшего предметом этого очерка, больше понимать и не нужно, хватит немногого: очерк толкует о самой противоречивой и увлекательной проблеме современной астрофизики.

Ну так вот, из газет стало известно, что знаменитый ученый Стивен Хокинг, прославленный, я думаю, не столько своими открытиями, сколько силой духа и самоотверженностью, ибо сумел всю жизнь работать наперекор жуткой болезни, другого бы эта болезнь превратила просто в овощ¹, — повел себя весьма примечательно. Он, оказывается, в 1970-е годы допустил научную ошибку в теории черных дыр и теперь обращается к научному обществу, предлагая коррекцию собственного открытия.

Для работника науки подобное поведение не так уж экстраординарно, гораздо экстраординарнее всемирная слава Хокинга, и, тем не менее, мне кажется, этот эпизод должен сделаться примером для молодых во всех научных школах, кроме фундаменталистских и религиозных, и дать нам материал к размышлению о принципах современной науки.

1 «Ye Now Submarine» {англ?} — «Желтая подводная лодка» (1968) — мультипликационный фильм английского режиссера Джорджа Даннинга, вдохновленный музыкой «Битлз»

2 Стивен Хокинг (р. 1942) болен амиотрофическим боковым склерозом, лишен движения и речи и читает лекции с помощью компьютера, озвучивающего набранные слова. Он возглавляет кафедру прикладной математики и теоретической физики Кембриджского университета (которой некогда заведовал Ньютон) и пользуется мировой славой как ученый и популяризатор, автор «Краткой истории времени» (*A Brief History of Time*, 1988).

СМИ нередко ополчаются на науку, облекая ее высшей ответственностью за ту люциферианскую гордыню, что движет человечеством на его марше к самоуничтожению. Обличая, явно путают науку и технологию. Между тем наука не несет ответственности за атомное оружие, за озоновую дыру, таяние ледников и прочие кошмары. Наука, коли на то пошло, как раз предупреждает нас о рисках, когда мы, применяя ее же принципы, даем свободу безответственным технологиям. Но слушая и читая злопыхательства в адрес прогресса (так называемого духа Просвещения), поучительно видеть, как нередко ставят знак равенства между духом науки и некоторыми идеалистическими философиями XIX века, согласно которым История движется всегда в хорошую сторону, к ликующему осуществлению самой себя, к триумфу Духовности, тем самым влекомая к Высшим Целям. Скольким из нас привелось (говорю о своем поколении) питать сомнение при чтении учебника философии, насквозь пропитанного идеализмом и представлявшего каждого нового мыслителя как более мудрого, лучше понимающего, более близкого к высшей истине, нежели его предшественники (полно, разве Аристотель был умнее Платона?).

Против этой-то трактовки Истории восставал Леопарди, именно над ней он издевался строкой «*magnifiche sorti e progressive*»¹.

1 В стихотворении «La ginestra» (1936) итальянский поэт Джакомо Леопарди (1798-1837) отзывается с сарказмом о «великом и судьбоносном прогрессе»; это одна из самых часто повторяемых цитат из итальянской поэзии.

В последнее время, однако, намечается обратное движение в замену этим «прогрессивным» идеологиям, переживающим кризис. В великой моде кокетничанье с Преданием — теперь не принято считать, что мы в ходе развития Истории все ближе подходили к Истине, а принято думать наоборот: все то, что стоило познать, уже якобы познали древние цивилизации, которые теперь вымерли, и единственно обращаясь к истокам, к извечному и исконному достоянию, мы имеем шанс примириться с самими собой и своими судьбами.

Самые беспардонные радетели традиционности вообще именуют высшей мудростью лишь то, что было известно древним цивилизациям (о которых самих ничегошеньки не известно). Получается, что истинно только то, что знавали жители Атлантиды, поглотившейся морем, и что знавали гиперборейцы (исконные арийцы), жившие на постоянно подогревавшемся полярном наколпачии земного шара; а также то, что ведали мудрецы утраченных Индий, и другие милые тонкости, которые, будучи недоказуемыми, дают возможность псевдофилософам и бумагомарателям постоянно пережевывать одну и ту же герметическую жвачку, развлекая досужих плебеев и их малообразованных гуру.

С другой стороны, и нынешняя наука совершенно не спешит придать последнему открытию — наивысочайшую ценность. Наоборот, она зиждется на принципе «подверженности ошибкам» — **fallibility**, —

V «Полное собрание» и то, что в него не поместилось

присутствовавшем уже у Пирса и накрепко усвоенном Поппером и многими другими учеными. В силу этого принципа наука всегда корректирует себя, опровергает выдвигавшиеся гипотезы, применяет метод проб и ошибок, признает свои просчеты и относится к провальному эксперименту не как к провалу, а как к эксперименту. Она знает: удостовериться в том, что какой-то из путей тупиковый — продуктивно, так как после этого отыскивают новый путь.

Много веков назад тем же принципом одушевлялись «Академики Проверок», члены «l'Accademia del Cimento»¹, чьим девизом было «Испытывая вновь и вновь», рассматривавшие все сущее в свете рациональности и опыта.

Этот способ мышления противостоит, как уже я упомянул в начале очерка, фундаментализму и любой буквальной интерпретации святых текстов (святые тексты тоже подлежат неустанной переинтерпретации). Он спасает от всякой догматичной заикленности на идеях. Это лучшая «философия» (любомудрие, в бытовом и сократовском смысле слова). Этому и следовало бы обучать в школах.

1 «Accademia del Cimento» основана в 1657 г. князем Леопольде Медичи и великим герцогом Фердинандо II Медичи во Флоренции. Это первое научное общество в Европе. Целью общества было распространение и применение галилеева экспериментального метода к натуральной философии, девиз «Provando e riprovando» («Испытывая вновь и вновь») относился к занятиям термометрией, барометрией и пневматикой.

Те, кто больше не верит в Бога, верят во все подряд

Верят в Гермеса "фисмегиста"¹

До сих пор все желавшие изучать «Герметический свод» (*Corpus Hermeticus*) по академическому изданию с параллельным текстом оригинала, а не по бульварным брошюркам из книжных лавок со специализацией на эзотерике, — обращались к классическому изданию «Belles Lettres», подготовленному Ноком и Фестюжьером (1945-1954). До его появления главным научным изданием была редакция Скотта (Oxford, 1924) на английском языке.

Очень радуется, что сегодня «Корпус» напечатан в издательстве «Бомпиани» в серии под научной редакцией Джованни Реале. Конволют во многом воспроизводит том из «Belles Lettres», но туда добавлено новое, чего не было в распоряжении Нока и Фестюжьера, а именно — некоторые герметические тексты из кодексов Наг-Хаммади в научной редакции Иларио Рамелли, с параллельными коптскими текстами на другой странице, если кому очень уж сильно захочется сличать.

Хотя стоимость тома в 1500 страниц только 35 евро, ненужный снобизм — советовать всем и каждому этот неподъемный кирпич для чтения в постели. Книга серьезная и содержит незаменимый и ценнейший научный материал, конечно. Однако тем читателям, которым хотелось только вдохнуть аромат знаменитой эзотерики, я посоветовал бы купить книжку, содержащую только один трактат — «Божественный

1 «Credere nel Trismegisto». «Эспрессо», май 2005 г.

V. «Полное собрание» и то, что в него не поместилось

Пимандр» — трактат не больше сотни страниц, издательство «Марсилио», 1987 г.

У «Герметического свода» интересная история. Его авторство приписывали мифическому Гермесу Тризмегисту (Триждывеличайшему), сыну египетского бога Тотта. Греки звали его Гермесом, а римляне Меркурием, он основоположник письменности и языка, магии, астрономии, астрологии, алхимии. Впоследствии отождествлялся даже и с Моисеем.

На самом же деле входящие в «Свод» трактаты принадлежат многим разным авторам, жившим в ареале греческой культуры и вскормленным египетской духовностью, а также испытавшим влияние платонизма. Все авторы работали в период между II и III веками н.э. Что авторов много и все они разные, видно по расхождениям между текстами. Что авторами были философы-эллинисты, а не египетские жрецы, ясно из того, что в трактатах нет отсылок к теургии и вообще нет связи с египетскими культами. Тексты «Герметического свода» были способны сильно воздействовать на умы, жаждущие новой духовности, — по причине того, что, как отмечает Нок в своем предисловии, они наподобие мозаики смонтированы из древних идей, которые замаскированы краткими аллюзиями вне классической логики и без всякой заботы о ясности. Как видим (это случается и с современными философами), невразумительное буркотание создает свободу для безграничных интерпретаций.

Эти небольшие трактаты (кроме одного, «Асклепий», который много веков в латинском переводе то

Те, кто больше не верит в Бога, верят во все подряд

и дело возникал в библиографиях) долго оставались забытыми, покуда полную их рукопись не завезли во Флоренцию в 1460 году — в расцвет ренессансного гуманизма, как раз когда появлялся интерес к старобытной дохристианской мудрости.

Восхищенный новым открытием, Козимо Медичи поручил перевод этих текстов Марсилио Фичино¹, который присвоил своду трактатов название «Пимандр», по первому произведению, и охарактеризовал его пред всем миром как собственноручное творение Тризмегиста, кладезь ветхого знания, откуда черпали и Платон, и даже провозвестники христианских Откровений.

С этого начался грандиозный успех этих текстов и были заложены основы их громадного авторитета в культуре. Как писала Фрэнсис Йейтс в знаменитой работе о Джордано Бруно², этой крупнейшей исторической ошибке суждено было привести к невиданным результатам.

Однако в 1614 году женеvский филолог Исаак Казобон опубликовал сокрушительные доказательства того, что «Герметический свод» был написан в поздний эллинистический период. После Казобона ни один серьезный специалист в этом не сомневался. При этом совершенно поражает нас тот факт, что

1 Козимо Медичи Старший (1389-1464) — основатель флорентийской династии Медичи, покровитель художников, поэтов и ученых. Марсилио Фичино (1433-1499) — глава и основатель флорентийской Академии, ученый и богослов, переводчик и комментатор Платона, неоплатоников и т.н. «Герметического свода».

2 Йейтс ФА ^жардано Бруно и герметизм ^ская традиция ^м (Yates FA *Giordano Bruno and the Hermetic Tradition*. Рус. пер.: 2000).

V. «Полное собрание» и то, что в него не поместилось

передатировка, доказанная Казобоном, осталась достоянием узких специалистов. Авторитет «Герметического свода» не ослабел и не пошатнулся. Это видно по какой угодно оккультной литературе, по всем каббалистическим, мистическим и «герметическим» публикациям, появлявшимся впоследствии. Не исключая работ вполне грамотных авторов — наших современников. Все они, в том числе и современные люди, относятся к «Корпусу» как к прямому порождению ну если не божественного Трисмегиста, то явно уж — древнеисторической ведунской мудрости, на которой пристало клясться, как на Евангелии.

История «Корпуса» мне вспомнилась около месяца назад, когда вышла книга «Заговор» Уилла Эйснера (W. Eisner. *The Plot*. New York, Norton). Эйснер, один из гениев современного комикса (умерший как раз во время первой верстки книги) рассказывает в тексте и картинках историю создания исторической подделки «Протоколы Сионских мудрецов». В его рассказе меня больше всего заинтересовала не часть, где показано, как фабриковали эту антисемитскую фальшивку, а часть, где видно, что происходило позднее, когда в 1921 году было доказано, опубликовано и повсеместно провозглашено, что эти «Протоколы» — фальшивка. Именно с той поры расширилось обращение текстов, они распространились на иные страны и их начали воспринимать все серьезнее и серьезнее.

Это знак, что Гермеса ли возьмем, или Сионских мудрецов — разница между истинным и ложным не

Те, кто больше не верит в Бога, верят во все подряд

занимает тех, кем руководят предрассудки и желание или потребность причаститься тайны, преждевременно заглянуть за кулисы то ли рая, то ли преисподней.

Верят в Третью Тайну¹

Прочитав опубликованное наконец, несколько дней назад, документальное свидетельство сестры Лусии о Третьей тайне Фатимы², я чувствовал себя привычно и уютно. Текст, который добрейшая монахиня сочиняла отнюдь не в период, когда она была неграмотной девчонкой, а в 1944 году, уже прожив полжизни в монастыре, утыкан четко узнаваемыми цитатами из Апокалипсиса от Иоанна. Так, Лусии виделся ангел при огненном мече, будто воспламеняющий весь мир. В Апокалипсисе есть ангелы, воспламеняющие мир, например тот, что со второй трубой, в стихе 9:8. Да, я понимаю, что этот ангел без огненного меча, но дайте мне продолжить, увидите, откуда берется огненный меч. Не говоря уж о том, что архангелы с

- 1 «Credere nel Terzo Segreto». «Эспрессо», июль 2000 г.
- 2 Сестра Лусия¹ (в миру — Лусия душ Сантуш, 1907-2005) — хранительница тайн Фатимской Богоматери. Она была свидетельницей многочисленных явлений Девы Марии в городке Фатиме, расположенном неподалеку от Лиссабона, в период между маем и октябрём 1917 г. Вместе с 10-летней девочкой эти чудесные явления наблюдали тогда ее сестра Жасинта и брат Франсишку, которые умерли соответственно в 1919 и 1920 гг. Из трех подростков лишь Лусия утверждала, что говорила с Богоматерью, которая открыла ей три тайны, которые впоследствии получили название «трех секретов Фатимы».

огненными мечами встречаются в иконографии сплошь и рядом.

Затем Лусия узрела божественный свет в зеркале. Здесь подтекст не из Апокалипсиса, а из первого послания Павла к коринфянам: дела небесные мы видим сначала в зеркале, гадательно (*per speculum in aenigmate*), а после — «лицом к лицу». Впридачу епископ — в белой одежде. Этот епископ привиделся ей в одиночестве, в то время как в Апокалипсисе рабов Бога нашего, пришедших от великой скорби, великое множество (в стихах 6:11, 7:9 и 7:14), но не будем крохоборствовать. Дальше привиделись епископы и священнослужители, всходившие на крутую гору: Апокалипсис, 6:12, где и цари земные, и вельможи, и богатые, и тысяченачальники, и сильные скрываются в пещеры и в ущелья гор. Затем святой отец прибывает в полуразрушенный великий город и встречает на своем пути души трупов. Город взят из Апокалипсиса, из стиха 11:8, вместе с трупами. Этот город падет в Апокалипсисе, 11:13, и снова падет, на этот раз под именем Вавилона, в стихе 18:19. Рассказ Лусии содержит новые повороты. Епископа и многих бывших с ним верных убивают солдаты стрелами и огнестрельным оружием. По части огнестрельного оружия это личная инновация Лусии, а вот мучения от жалящей саранчи, подобной коням, приготовленным на войну, и в броне как бы в броне железной — это Апокалипсис, 9:7, когда пятый Ангел вострубил.

Доходим до двух Ангелов, которые разбрызгивают кровь из хрустальной лейки (по-португальски —

regador). Проливающих кровь ангелов в Апокалипсисе сколько угодно: в 8:5 ангел применяет для этого кадьлицу, в стихе 14:20 кровь течет из точила даже до узд конских, в 16:3 выливается из чаши.

Так причем же здесь лейка? А притом, что мне помнится — Фатима расположена недалеко от Астурии, где во времена Средневековья бытовала традиция изумительных мозарабских¹ миниатюр на темы Апокалипсиса. На них множество ангелов, разбрызгивающих кровь из непонятных сосудов, выглядит это так, будто они спрыскивают мир кровью из лейки. Дополнительным доказательством, что именно из этой иконографии пришли к Лусии многие образы, служит и огненный меч. На мозарабских астурийских миниатюрах трубы в руках ангелов кажутся алыми клинками.

Кстати, достаточно любопытные мысли приходят, если не удовлетворяться газетными пересказами, а прочесть богословское толкование кардинала Ратцингера². Этот честный человек пытается разъяснить массам, что индивидуальное видение — это не символ веры, а аллегория — не пророчество, аллегории не подлежат буквальному восприятию. Ратцингер прямо указывает на совпадения между рассказами Лусии и текстом Апокалипсиса.

- 1 Мозарабский — созданный в Испании в период владычества мавров-завоевателей (VII-XV вв.); существуют мозарабский язык, мозарабская литургия и пр.
- 2 Йозеф Ратцингер (р. 1927) — немецкий кардинал, с 4 апреля 2005 г. — Папа Римский Бенедикт XVI. Ratzinger J. *Commentoteologico, in Congregazione per la dottrina de Ua Fede, Il messaggio di Fatima*. Editrice Vaticana, 2000. P. 32-44

V. «Полное собрание» и то, что в него не поместилось

Мало того, Ратцингер подчеркивает, что рассказ о видениях — это обычно слепок личности говорящего, и что видение передает культурный мир провидца, соответствует его возможностям описывания и толкования, поэтому образы в видениях соразмерны образу рассказывающего.

Если перекодировать лексику Ратцингера на предельно нецерковную (хотя уж и Ратцингер озаглавил один из параграфов своей работы «Антропологические структуры»), выйдет: поскольку не существует юнгианских архетипов, всякий провидец видит то, что ему подсказывает полученное образование.

Позиция церкви по вопросу гражданского брака
и что говорит на эту тему кардинал Руини¹

В восьмой главе романа Мандзони «Обрученные» Тонио и Джервазо, вошедшие в дом священника под предлогом какой-то расписки, вдруг расступаются и из-за них пред паническим взором дона Аббондио возникают обрученные Ренцо и Лючия. Кюре не дожидается когда Ренцо произнесет задуманное: «Господин священник, в присутствии этих вот свидетелей заявляю, что это моя жена», — Аббондио хватая светильник, сдергивает со стола скатерть и набрасывает на голову Лючии, которая уже приготовилась проговорить заветную формулу, — он накручивает ей ткань на лицо и почти душит, в то же время вопя

Позиция церкви по вопросу гражданского брака...

истощенным голосом: «На помощь! Измена! Предательство! Помогите!»

Этими безумными жестами (хотя по существу единственно правильными) Аббондио достигал необходимой цели: препятствовал браку Ренцо и Лючии. Но с какой стати молодые люди задумали такую ловушку? В шестой главе показано, как хитрый план приходит в голову матери невесты, Аньезе: «Послушайте. Нужны только два шустрых свидетеля, таких, чтобы и впрямь хотели помочь. Идите к священнику. Но помните, вся штука в том, чтоб захватить его врасплох и чтобы он не успел утечь. Жених быстро должен сказать: «Господин священник, вот моя жена», а невеста: «Господин священник, вот мой муж». Говорите громче, чтобы слышали и священник, и свидетели, — как они услышат, значит, сочетание браком состоялось, и до того крепко, как если бы вас повенчал сам Папа. Если вы сказали те слова, то кюре пусть себе вопит, визжит и бранится и хоть черта на помощь зовет, вы уже будете муж и жена».

Мандзони тут же сообщает от себя, что Аньезе полностью права, и что подобным образом не так уж редко действовали многочисленные парочки, которых по той или иной причине отказывались венчать. Мандзони не вдается в объяснения, потому что думает, что у всех читателей живы в памяти правила катехизиса, и все знают, что уполномоченный совершать конфирмацию может быть только епископом, уполномоченный совершать соборование должен обязательно быть священником, уполномоченный совершать крещение может быть кем угодно, кроме креще-

1 «I Pacs e il cardinal Ruini». «Эспрессо», сентябрь 2005 г.

V. «Полное собрание» и то, что в него не поместилось

емого, а вот уполномоченными лицами, которым единственным дозволено осуществлять обряд венчания, являются сами венчаемые. Когда они с искренними намерениями провозглашают, что объединяются навсегда, — с этой минуты они обвенчаны. Священник, капитан корабля или мэр города выступают только регистраторами совершившегося акта.

Интересно задуматься над этим пунктом Закона Божия, в его свете совершенно по-новому выглядят гражданские браки. Я знаю, что говоря «гражданский брак», обычно имеют в виду как гетеросексуальные, так и гомосексуальные союзы. Против гомосексуальных католическая церковь сильно возражает и она никогда не признает гомосексуальный брак, даже если его заключили в церкви. Но вот что касается двух гетеросексуалов, если они объявили миру в какой-то форме о своем намерении сожительствовать до самой смерти (или до развода), то приходится признать, что с точки зрения Закона Божия они повенчаны, от этого никуда не денешься.

Мне скажут: брак, признанный церковью, есть брак, в церкви же и заключенный, а гражданский брак не признается. Но сейчас уже не времена епископа из Прато¹, ни один священник не выгонит из храма пару, бракосочетавшуюся в мэрии, с криками: «Прелюбодеи!»

Загвоздка в том, что при разговоре о гражданском браке не вполне понятно, о чем именно идет речь, о

1 В 1958 г. епископ Прато назвал зарегистрированный в мэрии брак «бесстыдным сожительством» и был осужден за диффамацию. Скандал попал в газеты многих стран.

Позиция церкви по вопросу гражданского брака...

гомо- или гетеро-союзах, и гомофобия достигает такого накала, что до правил катехизиса никому уже нет дела.

Кстати, учитывая, что прошло немало времени и канкан уже утих, я хотел бы подвести итоги памятной истории с Руини (это когда кардинала освистали в Сиене)¹.

Первое. Кто угодно имеет право критиковать высказывания церковнослужителя.

Второе. Церковнослужитель имеет право как угодно высказываться по вопросам богословия и морали, даже если его суждения противоречат законам государства.

Третье. До тех пор покуда воззвания церковнослужителя не приходят в противоречие с законами государства и не затрагивают животрепещущих политических проблем (то есть не имеют отношения к утверждению новых законов, к референдумам или выборам), а затрагивают моральные вопросы: порицают добрачную половую жизнь или провозглашают воскресную мессу обязательной, — тем, кто не согласен с этими воззваниями, полагается молчать в тряпочку, поскольку к ним это не имеет никакого отношения.

Четвертое. Если только воззвания церковнослужителя затрагивают государственный закон или текущий политический процесс, волей-неволей церковнослужитель превращается в политическую фи-

1 Во время вручения кардиналу Камилло Руини, известному своими строгими взглядами на брак, ежегодной премии «Либерал-2005» в Сиене, его освистала группа левачкой молодежи.

V. «Полное собрание» и то, что в него не поместилось

гуру и идет на риск — подвергнуться политическому освистанию.

Пятое. Тут нам не 68-й год, и в любом случае невоспитанно и нецивильно вмешиваться в свободное собрание и проникать в частное владение. Предпочтительнее поступать так, как принято у англосаксов. Протестующие собираются у входа в помещение, где будет выступать опротестовываемый, с транспарантами и лозунгами, тем выказывая свое несогласие, но не мешая входить посетителям. К слову сказать, кто митингует в помещении собрания, обычно попадает в толпу людей, которые на стороне опротестовываемого, и толку от такого протеста ноль. Если же оставаться наружи, митингующие увлекают прохожих, агитируют зевак, и пользы от подобного митинга гораздо больше.

В каком смысле релятивизм?¹

Может быть, виной всему не столько неотесанность СМИ, сколько вообще специфика нашего времени (наши современники, высказываясь, думают больше всего о том, как их покажут в средствах информации), — однако явно создается впечатление, что в последнее время некоторые дискуссии, даже среди людей, предположительно хоть какой-то философский ликбез прошедших, — разворачиваются под перестук дубинок, без малейшего изящества и с использо-

1 «Relativismo?». «Эспрессо», июль 2005 г.

В каком смысле релятивизм?

ванием тонких научных терминов в качестве бульжников.

Характерный пример — споры, бушующие в Италии между так называемыми teosons¹, обвиняющими светских мыслителей в «релятивизме», и представителями светской мысли, которые клеймят своих противников за «фундаментализм».

Что имеют в виду те, кто говорит о «релятивизме» в философии? Что наши понятия о мире не обнимают всей сложности мира, а являют собой всякий раз только частную проекцию, в которой только крупница правды? Это философы-католики утверждали и в прежние времена, и в нынешние.

Или что наши представления не поддаются оценке в терминах «правды», а могут быть оценены лишь в терминах соответствия историко-культурной ситуации? Эту позицию занял — в своем варианте «прагматизма» — такой философ, как Рорти.

Или что все нам известное отображает прежде всего способ, которым субъект познает действительность? Старый, бесконечно милый Кант².

1 «Теокон» — неологизм, пришедший из США, обозначающий, применительно к итальянской действительности, членов религиозных объединений или союзов: «Комунионе э либерационе», «Опус Деи», «Легионеры Христа». Применяется также к тем журналистам и общественным деятелям (Дж. Феррара, Ориана Фаллачи), которые избирают для себя религиозные ценности в качестве символов прозападной, антиисламской, консервативной мысли.

2 Иммануил Кант (1724-1804) — основоположник классической немецкой философии.

V. «Полное собрание» и то, что в него не поместилось

Или что любая высказанная мысль истинна исключительно внутри заданной парадигмы? Это называется «холизм»¹.

Что этические ценности относительны и соответствуют конкретным культурам? Это начали понимать еще в XVII веке.

Что не существует фактов, существуют только интерпретации? Это сказал Ницше².

Может быть, хотят нам напомнить, что если Бога нет, значит, все дозволено? Это нигилизм Достоевского.

Или подразумевается теория относительности? Умоляю, оставим, хватит.

Надо же все-таки понимать, что релятивисты по Канту — это не релятивисты по Достоевскому (потому что Кант верил в Бога и верил в долг). Что релятивизм кантианцев имеет крайне мало общего с релятивизмом культурной антропологии, поскольку кантианству присуще неверие в факт, а антропологи не сомневаются в факте. И что холизм школы Куайна неотторжим от здравого эмпиризма, который

- 1 Холизм — философское учение об устройстве мира, согласно которому целое всегда больше суммы своих частей (от *греч.* *holos* — весь, целый). Это понятие введено южноафриканским премьер-министром и философом Я. Смэтсом (1870-1950) в его произведении «Holism and Evolution» (1926). Холизм как учение был основан Дж. С. Холдейном (*The Philosophical Basis of Biology*, 1931). Речь идет о целостности, обнимающей собой область психологической, биологической и физической действительности.
- 2 Фридрих Ницше (1844-1900) — немецкий философ-индивидуалист. В 1880-е гг. создал пролог к новой культурно-философской ориентации мыслителей всего мира, заложив фундамент «философии жизни».

В каком смысле релятивизм?

верит в стимулы, получаемые нами от среды; ну и так далее.

В общем, похоже, что термин «релятивизм» приложим к самым разным формам современной мысли, часто контрастирующим между собой. Иногда релятивистами называют тех мыслителей, чья система глубоко реалистична. Тогда «релятивизм» произносят с той же полемической интонацией, с которой иезуиты в XIX веке обличали «кантианскую отраву».

Но если релятивизм — это и то, и другое, и третье, получается — есть только две философии, к которым обвинение в релятивизме никак не липнет. Это радикальный неотоимизм, во-первых, и учение Ленина о познании, изложенное в «Материализме и эмпириокритицизме», во-вторых.

Экзотическая парочка.

Ну хоть повеселимся, что ли

Дар пост-видения¹

Любители паранормальностей, (те самые, которым не упускают случая вставить шпильку неумолимые скептики из комитета СІСАР, развенчивая мистику и всякие чудеса), ужасно любят предвидения. Но почему-то никто не интересуется пост-видением. А я уверен, что пост-видение — суперинтересная вещь. И знайте, что я обладаю пост-видческим даром. До нынешнего дня я ревниво оберегал свой секрет, поскольку опасался иронической реакции и злобных выпадов. Теперь же, укрепившись духом после обнаружения третьей тайны Фатимы, я готовлюсь явить миру все заботливо утаивавшееся в глуби сердца.

Иногда мне случается впадать в транс и явственно видеть, почти с эйдетической четкостью деталей, эпизоды, имевшие место в эпохи, когда меня еще не

1 «Il dono della postmonizione». «Эспрессо», июнь 2000 г.

Дар пост-видения

было на свете. Но я вижу их не в тумане, и не вынужден их описывать иносказательно и путано, как Нострадамус¹, чьи так называемые пророчества приложимы ко множеству любых событий. Нет, я вижу прошлое до того детально, что никакой двусмысленности в моих словах не бывает.

Вот вам примеры. Вижу крупный и процветающий город на берегах Малой Азии. Город осажден великой армией, которую ведет светлокудрый долгогривый герой, вижу деревянную лошадь в этом городе. Из брюха лошади выходят воины и уничтожают жителей. Спасаются только двое — один повлечется по волнам странствовать, другой высаживается на авзонский берег, основывает страну.

Вижу орды бородачей с волосами, умашенными салом, бородачи врываются в самый могущественный на свете город, их предводитель бросает меч на весы и восклицает: «Горе побежденным».

Вижу генуэзца, чьи волосы короче, чем волосы виденных мной прежде, — он долго плывет на одной из трех каравелл, откуда юнга не прокричит: «Земля!» — и то, что он полагает Индиями, не окажется совершенно новым и неизведанным дотоле континентом.

Я вижу: некто при недлинных волосах наблюдает за Луной в изобретенную им самим трубу и возглашает, что Земля обращается около Солнца, за что его терзают и судят, и дело кончается для него позорно, но он бормочет: «И все-таки она вертится».

1 Мишель Нострадамус (1503-1566) — французский врач, автор книги рифмованных пророчеств («Центурий» — *Centuriae*), популярных по сей день.

Вижу стриженного с чубом, родившегося на малом острове, который с победоносными армиями проходит вдоль и поперек Европу от Альп до египетских пирамид, от Манзанареса до Рейна, а потом умирает, брошенный всеми, на острове еще меньшем, нежели тот, на котором он был рожден.

Вижу еще более коротко стриженного, тоже с чубом и с усами щеткой — он развязывает мировую войну, организует чудовищный геноцид и глотает яд в подземном бункере.

Вижу совершенно лысого, который завоевывает власть маршем на столицу, молотит на току, обцеловывает детей, покуда труп его не вывезят на площади с попугайским названием.

Что мне думать обо всех моих пост-видениях? Клянусь честью, все сбылись до одного. Я осмелел и решился попытать свои силы и в предвидениях. В этом деле, ясно, больше риска, но я буду действовать с осторожностью. Ну-с. Я вижу, что через сто лет на президента Соединенных Штатов состоится покушение. Что циклон налетит на Карибские острова. Упадет самолет крупной авиакомпании. Кто-то низкого происхождения крупно выиграет в лотерею. Итальянский политик перейдет из правого лагеря в левый или из левого в правый. Другой итальянский политик захочет спасти страну от коммунистов. Ведущий телешоу спросит у Саманты из Пьяченцы, как звали по имени актрису Монро¹ (что-то неуловимо связывает последнее мое пророчество с предпоследним).

1 Мэрилин Монро (Норма Джин Мортенсон, 1926-1962) — американская киноактриса.

Как выбирают президента¹

Сначала о хорошем. Как уже известно из вышедшего на прошлой неделе номера «Эспреса», достаточно зайти на сайт www.poste.it и можно зарегистрироваться в сервис-окне, благодаря чему становится возможным отправлять из компьютера письма и телеграммы, почтовые работники напечатают их на бумаге и отнесут по домашнему адресу абонента (цена услуги приблизительно 1 евро). Благодаря этой новой системе письма не трясутся в почтовых вагонах и не валяются на станциях. Хочется сказать (ушам своим не веря) спасибо государственной почтовой службе (в кои-то веки).

Ну а теперь о грустном. Недавние выборы в США — пример того, как механизм проверки бюллетеней работает хуже, чем наша государственная почта. И тем не менее я заявляю: идеальный механизм выборов описан. Его предложил великий Айзек Азимов² в рассказе «Выборы» (1955). Там описано, как в недостижимо далеком будущем, в 2008 году, избиратели осознают тот факт, что выбор президента в США обычно проходит между двумя кандидатами настолько похожими, что симпатии избирателей распределяются «фифти-фифти». Кроме этого, при компьютерном опросе общества есть возможность учитывать бесконечное количество переменных и приближаться к почти математически идеальному

1 «Come eleggere il presidente». «Эспрессо», ноябрь 2000 г.

2 Айзек Азимов (1920-1992) — американский биохимик, писатель-фантаст и популяризатор науки.

результату. Чтобы принять математически идеальное решение, задействован громадный калькулятор «Мультивак» (длиной в половину мили и высотой в хорошее трехэтажное здание: в прогнозировании размеров компьютеров научная фантастика не сумела предвидеть, до чего дойдет прогресс). Компьютер должен проникать в почти неуловимые нюансы симпатий и вкусов избирателей.

Но поскольку в рассказе справедливо говорится, что в развитой цивилизованной стране все избиратели находятся приблизительно на одном культурном уровне, «Мультивак» может ограничиться выяснением мнения одного-единственного избирателя. Поэтому каждый год, при проведении выборов, случайным методом попадают на один какой-нибудь штат, а в нем берут случайным методом одного какого-нибудь избирателя. На основании его запросов и чаяний и избирают президента США. Поэтому каждые очередные выборы именуется в честь гражданина-электора: голосование Маккомбера, голосование Мюллера и так далее.

Азимов красочно передает, какое волнение царит в семье того, кто оказался избирателем (однако и радость: ведь их родственнику выпадают известность, хорошие рекламные контракты, карьера, в общем как всем героям передачи «Большой брат»). Как изумленно слушает малышка-внучка рассказы дедушки: в его времена голосовали всем народом! Внука диву дается, как можно было предоставлять судьбу демократии на милость миллионов и миллионов электоров, гораздо менее надежных, чем «Мультивак»...

А ведь уже Руссо¹ исключал построение соборной демократии в любой стране, кроме очень маленькой, где все знают друг друга и где существует возможность без труда собираться всем вместе. Что же до демократии представительской, при которой народ избирает своих представителей периодически, раз в четыре или же раз в пять лет, — этот вид демократии вступил в кризисный период. В массовом обществе, где все подвластно электронным коммуникациям, мнения нивелируются до такой степени, что программы кандидатов становятся практически одинаковыми. Кандидатов выдвигает не народ, а партийная номенклатура, народу предлагают выбрать (самое большее) между двумя лицами (избранными келейно и похожими как две капли воды). Все это очень похоже на выборы в СССР. С той разницей, что советская номенклатура назначала только одного кандидата. Если бы советская власть выставляла на голосование не одного, а двух кандидатов, СССР преобразовался бы в американскую демократию.

Да, да, я знаю — разница есть. Хоть в демократии ритуал выборов пуст и бессмыслен, но все-таки за правителями есть какой-никакой надзор: газеты и журналы, группы давления, общественное мнение... Но все эти надзоры вполне могли бы ужиться и с системой, которую изобрел Айзек Азимов.

1 Жан-Жак Руссо (1712-1778) — французский философ-просветитель, писатель, композитор, наиболее влиятельный представитель французского сентиментализма, последнего и наиболее революционного этапа Просвещения. Цитируемые Эко мысли высказывались Руссо в в трактате «Об общественном договоре» (1762).

Вот славная игра¹

В наше время если бы новый Гумберт Гумберт сбежал с Лолитой, мы могли бы проследить за всеми их перемещениями. Спутниковая противоугонка указала бы, где находится Гумбертова машина. Благодаря кредиткам сделалось бы известно, в каких отелях он останавливался и сколько номеров оплатил. Телекамеры секретной съемки запечатлели бы в супермаркете, как он берет порножурнал или газету, а по газете можно было бы судить о его политических симпатиях. Если герой покупает в отделе игрушек куклу Барби, можно сделать вывод, что он женихается с несовершеннолетней. Как только он зайдет на сайт для педофилов, наши догадки станут уверенностью. Даже ежели Гумберт Гумберт не успел пока совершить ничего предосудительного, мы сделаем вывод, что наклонности его странны и опасны, и самое правильное было бы — его арестовать. То, что Барби он покупает для племянницы, то, что сексуальные фантазии индивида не обязательно приводят его на тропу преступления, — это никому не интересно. Лучше посадить невиновного, чем оставить на свободе подрывной элемент.

Фурио Коломбо в романе «Privacy» («Риццоли») добавляет очень небольшую дозу научной фантастики в сюжет. У Коломбо показан специальный аппарат, который позволяет мониторить не только поведение человека, но и его мыслительный процесс. Вы-

1 «Ecco un bel gioco». «Эспрессо», январь 2001 г.

страивается целая идеология «упреждения». «1984 год» Оруэлла в сравнении с этим — детская сказочка.

Читая книгу, задаешь себе вопрос: а точно ли мы еще далеки от описываемых картин? Я бы хотел предложить занятную игру, которая есть нечто среднее между нашей сегодняшней реальной жизнью и перспективами, угадываемыми у Коломбо.

Игра называется «Fratelli d'Italia»¹ (но ее формат поддается адаптации для других стран) и являет собой усовершенствованную модификацию игры «Большой брат». Вместо того чтоб демонстрировать публике частную жизнь немногочисленных людей, загнанных в искусственное пространство, супермаркетовские телекамеры развешиваются по всему городу, на улицах и в общественных местах (а может, еще и в частных квартирах). Теперь наблюдателям доступно отслеживать час за часом и минута за минутой поступки и действия любого жителя страны. Как он идет по улице, делает покупки, живет половой жизнью, работает и ругается с водителем-дурилой, зацепившим его машину. Смотреть на это — неподражаемое удовольствие. Действительность интереснее вымысла. Вуайеристские чувства и склонность к сплетне, живущие у каждого в душе, услаждаются — ну просто лучше некуда.

Не стану скрывать, что могут возникнуть небольшие проблемы. Кому будет отведена роль наблюдателя, кому — роль наблюдаемого? Вначале на-

1 Первые слова итальянского гимна «Братья по Италии». Они могут быть комически увязаны и с названием передачи «Большой брат».

блюдали бы те, кому время девать некуда. А те, кому время дорого, работали бы и составляли собой категорию поднадзорных. Но не исключено, что впоследствии кто-то из них остался бы дома и начал глядеть на других. Так как мониторятся и квартиры, шестьдесят миллионов наблюдателей могли бы глядеть в реальном времени на пятьдесят девять миллионов девятьсот девяносто девять тысяч других граждан, на выражение их лиц...

Можно предположить, что поскольку быть наблюдаемыми престижно, большинство людей займется какой-то красивой деятельностью, чтобы их не снимали нечесаными на диване. Все забегают как сумасшедшие. Кто же будет смотреть? А каждый заведет себе походный мини-экран, чтоб, показывая себя, в то же время смотреть, что там делают другие. Шестьдесят миллионов будут судорожно показывать себя, в то же время наблюдая, как другие в тех же судорогах показывают себя, и все куда-то мчатся, на ходу спотыкаясь, с глазами, прикованными к походным миниатюрным дисплеям.

Сумерки начала тысячелетия

Сон*

Когда говорят «сплю и вижу» или «ему и не снилось», обычно имеется в виду, что сны — пространство, где сбываются желания. Однако сон может быть и кошмарным, в нем может сбыться нечто совершенно нежеланное. И, кроме того, он может содержать пророчество и требовать для расшифровки квалифицированного толкователя. Пусть толкователь пояснит, что провозвещал сей сон и какие неприятности пророчил.

Мой сон был послан мне именно для толкования. Ограничусь тем, что перескажу его, не пытаясь заранее понять, что в нем созвучно моим чаяниям, а что — отражение моих страхов.

Мне приснилось, что после всепланетного отключения электричества люди в диком надрыве, ища

1 «Un sogno». «Эспрессо», декабрь 2003 г.

виновных, бросаются друг на друга. Имеет место глобальная война. Без дураков. Не такая мелочевка, как инциденты 1939-1945 гг. Не пренебрежимая цифра в 55 миллионов убитых. Настоящая полноценная война, с использованием мощной современной техники. Большие участки планеты превращены в пост-ядерные пустыни. Не меньше половины населения мира пало от руки врагов, от руки своих, от голода, эпидемий и прочих причин. В общем, порядочная война, проведенная компетентными ответственными генералами, по всем правилам, в ногу с временем.

Естественно (во сне мы эгоисты), мне привиделось, будто я сам вполне цел, все мои близкие целы, и мы с друзьями будем жить в таком уголке планеты (и даже в нашем собственном доме, в привычном месте и климате), где все не так уж безнадежно. У нас не будет больше телевизоров и Интернета, поскольку телефонные сети в масштабах целой планеты единым махом скапутились. Будет иметься кое-какая радиосвязь благодаря дряхленьким детекторным аппаратам. Электроснабжение исчезнет, но кое-как подлатав солнечные панели, удастся собирать, особенно в загородной местности, немного электричества и освещать жильё час-другой, поскольку большая часть собранной энергии пойдет на черный рынок, где за счет ее продажи удастся выручить средства на покупку керосина для ламп. Бензин покупать мы не станем, поскольку никаких машин не останется, а если и сохранится где-то автомобиль, все равно на нем невозможно будет ездить по причине отсутствия асфальтовых покрытий. Передвижение будет осуществляться конной тягой на телегах, бричках и возах

При неярком керосиновом свете, у камина, где побряхтывают сучья, с трудом собранные в окрестных лесах, долгими вечерами я буду собирать своих внуков, которым в отсутствие телевизора ничего не останется как сидеть при мне. Я притащу с чердака ящик старых книг и начну рассказы о том, каким был мир до войны.

Попозже вечером, прильнув к радио, вслушиваясь, мы сумеем разобрать далекие голоса, и они нас упредят, что и нашему блаженному краю угрожают опасности. Но сообщение так прерывисто, что надежнее голубиная почта. Как весело отцеплять от крылатого гонца сообщение, привязанное к лапке! Оказывается, у тети опять болит поясница, но за исключением этого, она поживает неплохо. На другом голубе прибыла гектографированная газета.

Может, нам повезет, и мы узнаем, что в ближней деревне непостижимо как, но восстановилась сельская школа. Я пойду туда и предложу свои услуги по преподаванию грамматики или истории. Лучше не географии, поскольку весь земной шар на тот момент настолько переустроится, что география, которой обучен я, превратится во что-то вроде древней мифологии. Если же школы близко не будет, я себе у ребятишек (внуков и друзей внуков), организую занятия дома. Сначала палочки с крючочками. Ставим руку. Точность движений понадобится и для письма, и для всех тех рукоделий, которым им предстоит обучиться. Постепенно мы доучимся — я имею в виду старших — и до занятий по философии.

Может быть, случайно в прицерковном дворе где-то поблизости сохранится детское футбольное

поле. Играть можно и тряпичным мячом. Поискав по подвалам, вытащим на свет настольный футбол. Старый плотник сколотит пинг-понговые столы. Наши дети обнаружат, что настольный теннис не менее, а даже более увлекателен, нежели видеоигра.

В рационе станет преобладать зелень, если почва не заражена. Особенно вкусна окажется отварная крапива — не хуже шавеля. Самые плодивые на свете твари — кролики дадут необходимое мясо. По воскресеньям на столе будет курица. Малышке грудку, мальчишке ножку, папе крылышко, маме бочок, бабушке — ее любимое: шею, голову и гузку, которые в курах, выкормленных на дворе, а не на птицефабрике, самые лакомые.

Обнаружится, до чего приятны долгие пешие прогулки. Как тепла и непродуваема вышедшая из моды куртка. Шерстяные рукавицы... в этих рукавицах можно скатывать и швырять снежки...

У старого сельского врача хранится заглашник — полный короб аспирина и хинина. Без гипербарических камер, ультразвука и компьютерной томографии человеческая жизнь вернется к среднему возрасту шестьдесят лет. И это будет еще неплохим показателем в сравнении с продолжительностью жизни в среднем на планете.

На холмах начнут восстанавливать ветряные мельницы. Старики, следя за медленным обращением крыльев, припомнят и расскажут старую повесть о Дон Кихоте. Молодые найдут эту повесть очаровательной. Все начнут учиться играть на музыкальных инструментах. Инструменты окажутся в дефиците, но при наличии ножа и тростника можно наде-

вать дудочек, организовать целые оркестры, чтобы они вечерами в воскресенье играли плясовую музыку во дворе. Может, и какой-нибудь гармонист порадует нас, исполняя «Милявакка»¹.

В барах и остериях возродятся партии в карты под шипучку и молодое вино. Посмешит завсегдаев деревенский дурачок, оставив карьеру в политике. Молодежь в кризисном возрасте, ища смысла жизни, станет нанюхиваться успокоительного чая, покрыв голову полотенцем, и старшие будут скандализированы.

В горах и долах разведутся издавна жившие там твари: барсуки, ласки, лисицы, неисчислимы зайцы. Мы станем изредка ходить на охоту (защитникам животных придется смириться), чтобы разнообразить наше белковое питание, с древними дробовиками (у кого они сохранились), а большей частью — с луками и стрелами, с тонкими сербатанами².

Ночью в долинах будет далеко слышаться лай собак, хорошо кормленных, ухоженных; внезапно обнаружится, что они — превосходная замена электронных систем сигнализации. Никто не будет от них избавляться, бросать на скоростных магистралях, как потому что собаки станут капиталовложением, так и потому, что не станет магистралей. Да и существуй эти магистрали, кто там поедет? Зачем торопиться в те края, о которых сказано «*Hie sunt leones*»³?

1 «Милявакка» — мазурка, сочиненная слепым бродячим музыкантом Аугусто Милявакка во второй половине XIX в.

2 Сербатан — трубка для выдувания стрел.

3 «*Hie sunt leones*» (ляш.) — «Здесь львы», пометка на средневековых картах, указывающая на опасность неизведанных земель

Люди снова полюбят чтение, потому что книги, кроме пожара и наводнения, ничего не страшатся. Книги будут выискивать в старых подвалах, в разрушающихся публичных библиотеках, их начнут брать почитать, дарить на праздники, пожирать страницу за страницей зимними вечерами, и не только зимними, продолжать листать и при отравлении нужды, присев на корточки в саду под деревом.

Получая по детекторному радио беспокойные сообщения, но надеясь все же уцелеть, мы по утрам будем восхвалять небеса за то, что еще живы, что над нами сияет солнце. Самые экзальтированные из нас, наверное, скажут, что, невзирая ни на что, у нас — возрождение Золотого Века.

Учитывая, что эти возрожденные невинные радости были оплачены тремя с половиной миллиардами убитых, уничтожением пирамид и Святого Петра, Лувра и Биг-Бена (а о Нью-Йорке советую даже не вспоминать — там теперь только Бронкс), и что вместо сигарет придется курить солому, поскольку, конечно, избавиться от курения я не сумею, — я пробужусь ото сна достаточно беспокойный, и по чести говоря, надеюсь, что этот мой сон окажется совсем не в руку, нисколько не в руку.

Но я все же нашел ведуна, знатока провозвестий, умеющего читать грядущее по внутренностям животных и полету птиц. Он сказал, что мой сон — не предвестие страшных неурядиц, а указание, как избежать катастрофы, уменьшая наши расходы, и воз-

держиваясь от собственной воинственности, и не слишком бесясь из-за чужой, и возвращаясь время от времени к старинным ритуалам и забытым видам занятий. Ведь и без всякой ядерной войны можно раз в неделю выключить компьютер и телевизор и вместо charterного рейса на Мальдивы сесть у огня и рассказать своим детям историю. Было бы желание.

Но, добавил мой толкователь снов, именно это-то как раз и есть сон — что кому-то хватит смелости остановить мгновенье. А следовательно, добавил мудрый вещун (мудрый, конечно, но раздражительный, как все пророки, которых никто не слушает), идите-ка вы все к дьяволу, со вашими катастрофами — чего заслуживаете, то и получите.

На плечах великанов¹

Я озаглавил свое выступление частью цитаты «мы карлики на плечах великанов». Это изречение описывает ситуацию векового конфликта «отцов и детей», который, как мы увидим по ходу дела, есть важнейшая на свете вещь и прямо касается каждого из нас с вами.

Можно не ходить к психоаналитику — всякий знает, что каждый сын хочет убить своего отца. Я привожу оба термина в мужском роде, поскольку они в мужском роде употреблены в научных книгах. Не думайте, будто я не знаю, сколь пышна многове-

1 «Sulk spallc dei giganti». Выступление на вечере «Миланезиана: Литература-Музыка-Кино», июль 2001 г.

ковая традиция убийства мамаш, от Агриппины¹ до недавнего преступления в Нови Лигуре.

Но я должен добавить один важный момент. В пандан к отцеубийству и в мифологии, и в психологии имеет место детоубийство. Эдип, бедняга, не виноватый ни в чем, уколошил Лая, а Сатурн, наоборот, поедал своих детей. Что касается Медеи, в ее честь тоже не будут называть детсады. Фиест—некорректный пример, потому что, уплетая Биг Мак из собственного потомства, он был не в курсе дела. Но уж точно не меньше, чем было наследников византийских императоров, успешно ослепивших папаш, было и константинопольских султанов, избавлявшихся от чересчур спешливых отпрысков: они просто велели приканчивать все свои порождения от первого брака.

Конфликт отцов и детей проявляется и в менее чудовищных формах, хотя не менее драматичных. Протест может выражаться в глумлении. Хам не спустил старому Ною минутной расслабленности — как будто тот не заслужил совсем немножечко вина после всей той воды. На что, мы помним, Ной отреагировал достаточно жестко, заслав непочтительного сынка в развивающуюся страну в супердлительную командировку. Несколько тысяч лет эндемического голода и рабства за недолгое подтрунивание над за-

1 Агриппина (16 г. до н.э. — 59 г. н.э.) была матерью императора Нерона. Ей было предсказано, что ее сын станет тираном и убьет ее, на что Агриппина отвечала: «Пусть убивает, лишь бы царствовал». Она расчистила сыну путь к ярону, устранив с помощью яда своего супруга — императора Клавдия и его сына Британника. Утвердившись во власти, Нерон убил мать, дабы избавиться от ее опеки.

хмелевшим отцом — уж точно, если разобраться, подобный срок дан не по совести, с большим перебором.

Даже если воспринимать согласие Авраама принести в жертву Исаака как высшую подчиненность Божией воле, я сказал бы, что Авраам распоряжался сыном как своей собственностью (и собирался резать свое детище, чтоб заработать благосклонность Иеговы: скажите, соответствует ли это нашим с вами моральным представлениям?). Добро еще что Иегова просто устроил Аврааму розыгрыш — но Авраам-то делал все на полном серьезе. Исаак вообще постоянно вляпывался в какие-то истории. Смотрите, что произошло после того, как отцом стал он сам. Иаков не убил его, в конечном счете, но выпыгнул у него право первородства путем подлога, с издевкой над его слабovidением. Такая подлость, думаю, и гаже, и нахальнее порядочного отцеубийства.

Все претензии древних и новых (*des anciens et des modernes*)¹ обычно взаимны. Начиная со знаменитого спора XVII века, к которому восходит эта формула. Да, верно, Перро, а за ним Фонтенель² утверждали, будто творения современных писателей более продвинуты, чем произведения предшественников, и, следовательно, новинки лучше чем старье

1 «Древними» и «новыми» именовались сторонники и противники классицизма во Франции середины XVII века. От лица классицистов выступал поэт Никола Буало (1636-1711), рупором «новаторов» служил поэт и автор известных сказок Шарль Перро (1628-1703).

2 Бернарде Бовьеде Фонтенель (1657-1757) — французский писатель и философ.

(после чего *poètes galants* и *esprits curieux*¹ особенно усердно работали в новых жанрах — опера, рассказ, роман). Но спор-то сперва возник из ядовитой критики Буало в адрес новых, из недовольства всех тех литераторов, кто ратовал за подражание старинным авторам. Да и впоследствии споры сильно подогревались язвительными филиппиками «древних». Любым новаторам всегда и везде противостоят *laudatores temporis acti*. Нередко преклонение перед новизной и резкое отторжение прошлого как раз и рождаются как ответ на всеохватный консерватизм.

В мои времена существовали «Новейшие поэты»², но нам преподавали в школе, что за две тысячи лет до этих в древнем Риме тоже была школа *poetae novi*³. Во времена Катюлла термин «*modernus*» еще не употреблялся, и слово «*novi*» было самоопределением поэтов, черпавших вдохновение в лирике греков, в противострадиции латинян. Овидий в «Науке любви» писал:

Пусть другие поют старину, я счастлив родиться
Ныне, и мне по душе время, в котором живу!

- 1 *Poètes galants* (фр.) — галантные поэты. *Esprits curieux* (фр.) — любознательные умы.
- 2 «Новейшими» назвали себя в конце 1950-х гг. литераторы, вскоре сформировавшие «Группу 63»: Дино Кампана, Эдоардо Сангвинети и сам У. Эко.
- 3 *Poetae novi* (лат.) — новые поэты. Гай Валерий Катюлл (87-54 гг. до н.э.) и его друзья создавали римскую лирику по образцу греческой, привнося в нее новые для своих сограждан темы личного чувства, мелочей жизни и используя мелические (песенные) размеры Алкея и Сафо. Не слишком одобрявший их Цицерон называл кружок Катюлла «неотериками», от *grec.* *neoteros* — «более новый» или «слишком новый».

Не потому, что земля щедрей на ленивое золото,
Не потому, что моря пурпуром пышным дарят,
Не потому, что мраморы гор поддаются железу,
Не потому, что из волн крепкий возвысился мол,—
А потому, что народ обходительным стал и негрубым,
И потому, что ему ведом уход за собой (III, 120 слл.)¹.

Но что новые очень раздражали апологетов ушедшего времени — нам указывает Гораций, использовавший в значении «современный» слово «*pure*». Он говорил:

Я негодую, когда не за то порицают, что грубо
Сложено иль некрасиво оно, а за то, что — недавно,
Требуют чести, награды для древних, а не снисхожденья.
*{Послания, II, 1,75 слл.}*²

То же самое отношение проявляют сегодня некоторые рецензенты, ругая молодых романистов за то, что те пишут не так, как писали в «их время».

Термин «*modernus*» появился как раз когда оканчивалась эпоха, которую мы называем «античностью», то есть около V века н.э., когда во всей Европе установились действительно темные времена, предшествовавшие каролингскому возрождению³. Эти времена из всех возможных кажутся наименее «модерновыми». Но я должен сообщить вам (парадокс, но факт): в эти-то темные века, после того как воспо-

- 1 Пер. М.Л. Гаспарова.
- 2 Пер. Н.С. Гинцбурга.
- 3 Каролингское возрождение - подъем культуры и развитие образования в империи Карла Великого (то есть, на территории современных Франции, Германии, отчасти Италии) и его ближайших преемников (VIII-IX в.).

минания о былом величии потускнели, после того как от прежнего мира остались только обломки, уродливые, обгорелые, тихо наметилось обновление, которого сами новаторы не заметили. На самом же деле именно тогда начали складываться новые европейские языки, — думаю, самое новаторское, самое культурно-потрясающее явление за две тысячи лет. Параллельно этому и классическая латынь начала превращаться в средневековую. Появились у деятелей культуры и первые признаки гордости за собственное новаторство.

Первое проявление гордости — осознание, что переделанная латынь уже не та, что существовала в античности. После распада империи римлян древний континент переживал упадок земледельческой культуры, по разрушении римских городов, дорог и акведуков Европа зарастала деревьями, и поэты, иллюстраторы и монахи жили в древесном мире как в «сумрачном лесу», полном страхолюдных чудищ. Григорий Турский¹ в 580 году жаловался на конец литературы. Не помню уж какой Папа сомневался, действительны ли крещения, совершаемые на территории Галлии, потому что там крестят во имя *Patris et Filiae* (Отца и Дочери) и Святого Духа, до такой степени священнослужители перевирают латынь². И вот на фоне этого забвения всяких правил, в период между VII и X веками, развилась так называемая «*estetica*

1 Григорий Турский (538-594) - франкский священник и историк, автор «Истории франков», житий святых, трактатов о чудесах.

2 Вместо *Patris et Filii*.

hisperica», то есть стиль, который утвердился от Испании до Британских островов, охватив Галлию.

Классическая латинская традиция описала (и заклеяла) этот стиль как «азианский» (а позднее как «африканский») в противоположность выдержанному «атическому». В азианском стиле вызывало протест то, что классическая риторика именовала «*kakozelon*» то есть «дурной пафос». Дабы показать, до чего отцам церкви в V веке претил этот дурной пафос, приведу отрывок из Первого послания Св. Иеронима против Иовиниана:

Сколько теперь писателей-варваров, сколько речей замутно огрехами стиля, который столь невнятен, что непонятно ни кто говорит, ни о чем говорится! Все или чересчур раздуто, или же плоско, как заболевшая змея; все свернуто нераспугываемыми узлами, и хочется повторить следом за Плавтом: «Никто того не разберет, кроме Сивиллы». К чему все эти глагольные ведьмачества?

Все те приемы, которые с точки зрения классической традиции были «огрехами», гисперийская поэтика назвала достоинствами¹. Фраза гисперийского

1 «Путь отталкивания от разговорной речи был по существу продолжением традиции риторического маньеризма II-V вв., но в новой языковой обстановке эта тенденция доходит до небывалых пределов. Носителям новых языков такая латынь казалась уже не только приметой образованности, но и тайноязычием посвященных, непонятность чтится ради непонятности, из глоссариев извлекались редчайшие слова неведомого происхождения, простые понятия описывались сложными перифразами, члены предложения перетасовывались в фантастическом порядке. Образцы таких текстов

текста уже не подчиняется традиционному синтаксису. Высказывание не соответствует традиционной риторике. Законы ритма и метра нарушены. Составляются вереницы синонимов совершенно барочной витиеватости. Цепочки аллитераций, которые в классическом мире немедленно были бы запрещены и сочтены какофонией, воспринимаются теперь как новая музыка, и Альдхельм из Мальмсбери¹ радуется, со-

дошли до Африки, Британии, Галлии; наиболее известны "Гисперийские речения", сборник школьных латинских упражнений из кельтской Британии; вот как приблизительно описывается в них утро учебного дня: "Титанова олимпийскую пламенит квадрига потолочность, пучинные пареньями зарит флюиды, огневержным надмирные сечет багрецом полюсы, выспрь ристает датную твердь..." Теоретический фон таких упражнений раскрывают сочинения грамматика из Тулузы (по-видимому, начало VII в.), писавшего под громким псевдонимом "Вергилий Марон": он пишет о "двенадцати латынях", о "раздрании словес", об анаграммах, инверсиях, сокращениях слов, о языках "для вещания таинств", а обращает свои писания к братьям-грамматикам, которые носят имена "Гомера", "Цицерона", трех "Луканов" и т. д., ссылаются на неведомые грамматические авторитеты ромуловых времен, ведут двухнедельные диспуты о том, каков звательный падеж от "я", и чтут "философию", включающую в себя науки, "не столь несущие пользу, сколь утоляющие любознательность". Перед нами картина полуученой игры в ученость, перерастающей в автопародию; где здесь благоговейное отношение к слову переходит в богоухольное, сказать вряд ли возможно. Понятно, что для создания больших литературных форм эти эксперименты в "тайном языке" были непригодны; но отголоски их еще долго звучат в латинской литературе Средневековья, перекликаясь то со скандинавскими кеннингами, то с "темным стилем" трубадуров» (Аверинцев С.С. Латинская литература // *История всемирной литературы*. М.: 1984. Т. 1).

¹ Альдхельм из Мальмсбери (640-709) — английский поэт, вероятно, из королевской династии Уэссекса, аббат монастыря в Мальмсбери, писал стихи на древнеанглийском, загадки и прозу на латыни.

ставив фразу, где каждое слово начинается с одной и той же согласной: «Primitus pantorum procerum praetorumque pio potissimum paternoque praesertim privilegio panegyricum poemataque passim prosatori sub polo promulgantes...»¹

Лексика обогащается за счет невообразимых гибридов, в нее врываются еврейские слова и эллинизмы, тексты строятся как ребусы. Если в классической эстетике идеалом почиталась ясность, эстетика гисперийская ставит на место идеала темноту. Классическая эстетика обожала пропорции, а гисперийская боготворит перекошенность, усложненность, пышные эпитеты и перифразы, все гигантское, все уродское, безграничное, сверхразмерное и несусветное. Для описания морской воды используются прилагательные «astriferus» и «glaucicomus»², и ценятся неологизмы — pectoreus, placoreus, sonoreus, alboreus, pro-piferus, flammiger, gaudifluus...³

Те же лексические эксперименты расхваливал в VII веке Вергилий Грамматик⁴ в своих «Эпитомах» и

- 1 Первым пробую петь, пускай поэтический подвиг, под покровительством папы, провозгласится! Поэзию плавлю, прозой пронзаю, и панегирик пусть поразит поднебесье! (*лат*)
- 2 Звездоносный (*лат*), зеленовласый (*греч.*, вошло в латынь).
- 3 Сердцевещий, кротковещий, звуковещий, беловидный, собственносный, пламяносный, восторгосгрунный
- 4 Вергилий Марон Грамматик, он же Вергилий Тулузский (годы и место жизни в точности неизвестны — наиболее вероятно VII в. и область на юге Франции или севере Испании). Среди «авторов», которых он цитирует, значатся как реальные Вергилий и его комментатор Элий Донат, так и не совпадающие с древними Варрон, Катон, Вергилий, три Вулкана, Эней, Ориген и носители таких замечательных имен, как Суффоний, Гальбунгус и даже Балапсидий.

«Эпистолах». Этот безумный словоплет из городка Бигорр, расположенного неподалеку от Тулузы, цитирует куски Цицерона и Вергилия (на этот раз настоящего), которые Цицерон с Вергилием даже не думали писать. Затем мы узнаем или догадываемся, что автор фальшивых цитат просто входил в кружок риторов, которые выбрали себе каждый по одному из знаменитых имен, некогда принадлежавших латинским классикам, и под этими ложными именами они писали на такой латыни, которая классической явно не была, еще и похвалялись своими проделками.

Вергилий из Бигорра выдумал новый лингвистический мир, который будто вышел из фантазии и из-под пера Эдоардо Сангуинети¹, хотя по хронологии могло быть только наоборот. Этот Вергилий говорит, что латинский язык существует в двенадцати подвидах и в каждом из них огонь называется по-другому: *ignis, quoquinhabin, ardon, calax, spiridon, rusin, fragon, fumaton, ustrax, vitius, siluleus, aeneon*² (*Epitomae*, I, 4). Бой именуется *praelium*, поскольку бои происходят на морской глади, а море зовется *praelum*, по причине его огромности — оно «первенствует», иначе говоря, «прелатствует» во всем чудесном (*Epitomae*, IV, 10). В то же время поэт подвер-

1 Эдоардо Сангуинети (р. 1930) — итальянский писатель, поэт, критик и переводчик, активно экспериментировавший с метром, лексикой и строфикой.

2 Огнин, зарин, варин, кипятин, жарин, трескотин, палин, дымон, алии, оживин, кремнии и еще — энеон, от Энея бога в пламениживуща (Эко У. *Имярозы. День 4*).

гает пересмотру самые основные правила латинского языка. Он рассказывает, что риторы Гальбунг и Теренций четырнадцать дней и четырнадцать ночей проспорили о звательном падеже слова «Я», и что проблема эта является наиважнейшей, поскольку надо знать, как обращаться, говоря в высоком штиле, к самому себе («О я, хвалимо ль деяние мое?» — «О *egone, recte fed?*»).

Но перейдем к вульгарной латыни. Приблизительно к концу V века нашей эры народы говорили уже не на латыни, а на галло-романском, испано-романском, итало-романском или романо-балканском наречиях. Это были устные языки, без письменности. Но еще до появления «*Serment de Strasbourg*» и «*Carta Caruana*»¹ существовал яркий символ лингвистического новаторства: Вавилонская башня. Пред лицом умножения языков в Европе многие цитировали эту библейскую историю, используя символ Вавилонской башни как знак проклятия и беды. Многие, но не все — были и такие, кто в рождении вульгарных языков видел рост, современность и прогресс.

Когда в VII веке ирландские грамматики взялись за описание преимуществ гэльской грамматики перед

1 Страсбургские клятвы (*Sacramenta Argentariae*, *лат.*; *Serments de Strasbourg*, *фр.*; *Straßburger Eide*, *нем.*) — союзнический договор между западнофранкским королем Карлом II Лысым и его братом восточнофранкским королем Людовиком II Немецким 14 февраля 842 г. Текст содержит древнейший памятник французского (старофранцузского) языка. *Carta Caruana* (Капуанская хартия, *лат.*) — сохранившаяся запись показаний свидетелей на суде (960), первый образчик итальянского (протоитальянского) языка.

латинской (в произведении «Наставление поэтам»), они использовали для зачина именно-таки Вавилонскую башню. Как в Вавилонской башне употреблялось девять материалов: глина и вода, шерсть и кровь, дерево и известь, деготь, лен и земляная смола¹, так для создания гэльского языка были использованы девять грамматических категорий: имя, местоимение, глагол, наречие, причастие, союз, предлог, междометие. Параллель, опередившая свой век Вообще же, следует заметить по этому поводу, человечеству пришлось дожидаться Гегеля, чтобы наконец утвердилась в умах авторитетная и положительная трактовка сказки о Вавилонском столпотворении².

Ирландские грамматики считали, что гэльский язык являет собой первый и единственный пример того, как удастся преодолеть «смещение языков». Создатели гэльской грамматики действовали методом, который хочется назвать «cut and paste»³. Они брали все лучшее, что находили в каждом существующем языке. А для вещей, которым не было до тех пор приискано никакого имени, они придумывали имена сами, при этом серьезно заботясь о сохранении родства между формой слова и идеей понятия.

1 Бытие, 11:1-9.

2 Притча о Вавилонской башне приводится у Гегеля (Гегель Г.В.Ф. *Эстетика*. М.: Искусство, 1971. Том III, с. 33) — Символической архитектуре Вавилонской башни Гегель противопоставляет архитектуру классическую, основанную на развитии двух «целесообразных» форм: формы дома и формы храма.

3 «Cut and paste» (*англ.*) — вырезай и вклеивай, компьютерная команда.

Совершенно иначе понимая свое достоинство и долг, несколько столетий спустя Данте Алигьери объявил, что это он — новатор, изобретатель нового вольгаре¹. Устроив смотр скопищу итальянских диалектов, разбирая каждое наречие дотошно, как лингвист, но в то же время и высокомерно, даже можно сказать, презрительно, как поэт, который ни секунды

1 «...мы утверждаем, что в Италии есть блистательная, осевая, придворная и правильная народная речь, составляющая собственность каждого и ни одного в отдельности итальянского города, по которой все городские речи итальянцев измеряются, оцениваются и равняются. XVII. А теперь следует растолковать, почему мы придаем нашей находке прилагательные блистательная, осевая, придворная и правильная... Под словом блистательный мы разумеем нечто придающее блеск и ярко блистающее: так именуем мы блистательных мужей либо потому, что они, блистая мощью, придают блеск другим справедливостью и милосердием, либо потому, что они, будучи превосходно наставлены, превосходно наставляют, как, например, Сенека и Нума Помпилий. А народная речь, о которой мы говорим, и возвышена наставлением и мощью, и возвышает своих приверженцев честью и славой. А что она возвышена честью, это бесспорно. Разве слуги ее не превосходят славой любых государей, маркизов, графов и вельмож? XVIII. Не без основания отмечаем мы эту блистательную народную речь и вторым прилагательным, называя ее осевой. Ибо, подобно тому как дверь всецело зависит от оси и, следуя повороту оси, открывается или внутрь, или наружу, так и все скопище городских говоров поворачивается туда и сюда, следуя в движении и остановке той, которая поистине является главой семьи. А причина нашего названия ее придворной та, что, будь у нас, итальянцев, королевский двор, она стала бы палатинской.... Ибо если королевский двор является средоточием всего королевства и августейшим правительством для его частей, то и эта речь должна быть общей для всех, а не чьей бы то ни было частной собственностью и ей следует пребывать и обитать при дворе; и никакая иная обитель не достойна такой обитательницы, каковой является народная речь, о которой мы говорим. И

не сомневался, что является высочайшим из всех на свете творцов, — Данте приходит к выводу, что следует стремиться к речи блистательной (*illustre* блестящей и все освещающей), осевой (*cardinale*: в смысле — главной), придворной (*aulica*: достойной местопребывания в королевском дворце, хоть королевского дворца у итальянцев и нет) и правильной (*curiale*: употребляемой в качестве языка правительств, языка закона, языка мудрости).

Трактат «О народном красноречии» (*De Vulgari Eloquentia*) содержит свод правил единственного и истинного народного красноречия, того поэтического языка, которым Данте гордится, почитая себя

поэтому-то пребывающие во всех королевских дворцах всегда пользуются блистательной народной речью... Заслуживает она и названия правильной, потому что правильность есть не что иное, как проверка того, что надо обрабатывать правилом; а так как прибор для такого рода выверки имеется обычно лишь у высочайших правительств, то и все хорошо выверенное и исполненное может называться правильным... XIX. И эта народная речь, которая показана блистательной, осевой, придворной и правильной, есть, мы утверждаем, та самая, которая зовется народной итальянской речью. Ибо, подобно тому как найдется некая народная речь, присущая Кремоне, так найдется и некая присущая Ломбардии; и как найдется речь, присущая Ломбардии, так найдется и такая, которая присуща всей левой Италии; и как найдется все эти народные речи, так найдется и та, которая принадлежит всей Италии в целом. И подобно тому, как одна зовется кремонской, другая — ломбардской, а третья — речью половины Италии, так и эта, принадлежащая всей Италии, называется народной итальянской речью. Ведь ею пользуются в Италии блистательные мастера поэтических творений на народном языке — сицилийцы, апулийцы, тосканцы, романьольцы, ломбардцы и мужи обеих марок» (*О народном красноречии*. Пер. Ф. Петровского).

его основателем, и который он противопоставляет множеству разнородных языков, считая новоявленным единством, отражением первоначальной близости вещей и чем-то сходным с той формой речи, которой говорил Адам. Блистательное красноречие, за которым Данте охотится, как за «чумой пантерой»¹, представляет собой реконструкцию эдемского языка, исцеление от вавилонской травмы. Именно этот отважный замах на роль восстановителя совершенного языка определяет позицию Данте. Вместо того чтобы негодовать из-за множественности языков, Данте делает упор на их почти животную силу, на их способность обновляться и переменяться во времени. Именно имея дело с таким эластичным, пригодным для творчества материалом, Данте замахивается на создание совершенного и естественного современного языка, и не стремится восстановить утраченные модели прошлого, как-то: первородный еврейский язык, «какой издали уста первого говорящего». Данте выдвигает самого себя на роль новоявленного (и более совершенного) Адама. В сравнении с дантовой гордыней бледнеет позднейшее высказывание Рем-

1 «После охоты в лесных нагорьях и пастбищах Италии и не отыскав пантеры, которую выслеживали мы, стараясь ее найти, проследим ее более разумно, дабы ту, которую мы чумем всюду, но которая нигде не показывается, изловить, хорошенько опутав тенетами. Итак, взявшись снова за свои охотничьи снаряды, мы утверждаем, что во всяком роде вещей должна быть единица, по которой мы равняем и оцениваем определенного рода вещи и от которой мы отмериваем и все остальное» (*О народном красноречии*. XVI. Пер. Ф. Петровского).

бо «il faut être absolument moderne»¹. В борьбе отцов и детей текст, начатый словами «Земную жизнь пройдя до половины», отцеубийственнее, нежели текст книги, названной «Одно лето в аду».

По-моему, первое упоминание термина «modernus» во всей истории «борьбы поколений» встречается не в области литературы, а в области философии. Если раннее Средневековье считало своими философскими истоками тексты позднего неоплатонизма, то есть Августина, и те произведения Аристотеля, которые входят в «Старую логику»², то к началу XII века в сферу схоластической культуры постепенно попали другие работы Аристотеля («Аналитики» первая и вторая, «Топика» и «Софистические опровержения» с «Софистическими доказательствами»), которые получили название «Новой логики» (*Logica nova*). Тут-то и совершился переход от исключительно метафизического и богословского дискурса к разбору множественных тонкостей и нюансов, изучаемых сегодня логикой как то самое живое, что унаследовали мы от средневековой мысли. Тут-то и родилась та новая мысль, которая не без гордости принялась именовать себя «Logica Modernorum»³.

- 1 «Надо быть абсолютно во всем современным. Никаких псалмов: завоеванного не отдавать». Пер. М. П. Кудинова. Из книги «Однолето в аду» (*Unesaison en enfer*, 1873), единственно изданного автором произведения французского поэта Артюра Рембо (1854- 1891).
- 2 Старая логика (*Logica vetus*) — под этим названием объединялись труды Аристотеля по логике (*Prae-Ucamenta* и др.), которые ранее стали известны в Европе благодаря переводам Боэция.
- 3 «Logica Modernorum» (*лат.*) — европейская логика с XII в. по наше время.

Какою новизной отличалась «Logica Modernorum» по отношению к богословской мысли предшествовавших веков, мы можем понять из следующей картины. Католическая церковь канонизовала Ансельма Кентерберийского, Фому Аквинского и Бонавентуру¹, но ни одного из поборников современной логики. Притом никто из современных логиков вовсе не был еретиком. Но просто, в отличие от богословов предыдущих столетий, эти-то занимались иным. Ныне мы сказали бы: они занимались организацией мышления. И они тем самым более или менее сознательно убивали своих отцов, в точности как философия гуманизма взялась впоследствии убивать их самих, современных, однако устаревших. Убить не убила, но сумела засушить и запереть в пыльных университетских книгохранилищах, где сегодняшние ученые лишь только начинают их заново открывать для себя.

По процитированным мною случаям, как бы то ни было, видно, что всякая новация и всякое оспа-

- 1 Ансельм, епископ Кентерберийский (1033-1099) — итальянский философ и богослов, яркий представитель реализма в схоластике (учения о реальном существовании умозрительных универсалий). Автор онтологического доказательства бытия Божьего («ибо невозможно помыслить, чтобы не существовало наиболее полное бытие»). Так же рационально объяснял необходимость Воплощения и другие догматы. Бонавентура (Джованни Фиданца, 1221-1274) — итальянский философ и католический церковный деятель, один из крупнейших представителей поздней схоластики, кардинал (с 1273). Был причислен к лику святых (1482) и к числу пяти величайших учителей церкви (1587). Как генерал францисканского ордена (с 1257), преследовал сторонников радикального крыла ордена.

ривание отцов происходит через обращение к некоему пращурю, предположительно — лучшему, нежели прямой отец, которого стараются уничтожить. Пращур же восхваляется как противоположность отцу и как идеал для подражания. Древнеримские «новые поэты» (*poetae novi*) восставали против латинской традиции и восхваляли традицию греческую. Гисперийские поэты и Вергилий Грамматик лепили свои лингвистические гибриды, заимствуя этимологию от кельтов, визиготов, эллинистической греческой словесности, евреев. Ирландские грамматики, изобретая язык, задирали нос даже перед латынью: ведь их язык представлял собой коллаж из более древних наречий. Данте нуждался в очень сильном предке, поэтому уцепился за Вергилия (настоящего — Вергилия Марона). «*Logica Modernorum*» стала такой современной благодаря тому, что ей повезло раскопать позабытого Аристотеля.

Распространенное общее место в представлениях Средневековья — что прежние люди были красивее потомков и превосходили их ростом. Это совершенно противоречит реальным наблюдениям. Достаточно пойти взглянуть, какой длины была раскладушка Наполеона. Можно искать причину распространенного заблуждения в том, что потомки представляют себе внешность древних людей по статуям. А статуи-портреты обычно «укрупнились» по сравнению с портретируемыми на многие и многие сантиметры. Еще одно объяснение «известной» низкорослости потомков — в условиях их жизни. После

распада империи римлян люди Европы регулярно недоедали. Крестоносцы и рыцари Грааля, как их показывают в кинобоевиках, ненатурально откормлены. Вообще же, хотя и Александр Македонский был коротыш, но все-таки вероятно, что Верцингеториг превосходил своим ростом короля Артура¹.

Есть противоположное по смыслу общее место, излюбленное и Библией, и литераторами поздней античности, и всеми, кто творил впоследствии. Это идея «*puer senilis*»², идея юноши со всеми достоинствами молодого, но и со всеми добродетелями пожилого человека. Может ошибочно показаться, будто восхищение высокорослостью древних людей — это установка консерваторов, а идеализирование «старческого мальчика», *senilis in iuvene prudentia*, идеализирование, идущее еще от Апулея³ — это новаторское устремление. Неправильно! На самом де-

1 Александр Македонский (356–323 г. до н. э.) — греческий полководец, покоривший Персию и Египет и положивший начало периоду греческого владычества в Малой Азии (эпоха эллинизма). Верцингеториг (Верцингеторикс, ум. 46 г. до н. э.) — вождь галльского племени арвернов, возглавивший в 52 г. восстание галлов против Рима. Потерпев поражение от конницы Цезаря, был осажден римскими войсками в Алезии, взят в плен и казнен после триумфа Цезаря. Король Артур — герой британских и французских легенд, годы жизни (и историческое существование) спорны, наиболее вероятны IV–VI века н. э.

2 *Puer senilis* (*лат*) — староподобного юноши.

3 «Мы нашли в сыне отцовскую справедливость, в юноше мудрость старца, в легате внушительного консула, одним словом — все твои добродетели в таком точном повторении, что, клянусь богом, скорее в юноше, чем в тебе заслуживали бы восхищения эти достоинства, если бы не ты сам передал их ему» (Апулей. *Флориды* 9-Пер. СПб. Маркиша).

ле восхищение древними составляет часть общей тенденции новаторов искать обоснования своему новаторству в старой традиции, которою якобы пренебрегли отцы.

За несколькими исключениями, среди которых приводившийся мною выше пример Данте, в Средневековье считалось, что истину следует утверждать лишь постольку поскольку она уже была заявлена кем-то авторитетным и прежде нашего жившим. До того доходило, что если не удавалось подыскать авторитетных провозвестников для идеи, предшественников изобретали на ходу, потому что у авторитета, как говорил Алан Лилльский¹ в XII веке, нос из воску — его можно повернуть в любую сторону.

Разберем поподробнее эту ситуацию, потому что когда кончилось Средневековье и когда появился Декарт, стало принято считать, что философ — это тот, кто до состояния *tabula rasa*² стирает все предыдущее знание и — повторим выражение Маритена — предстает «дебютантом абсолюта», «*un débutant dans l'absolu*»³. В нашу эпоху любой мыслитель (не говоря уж о поэтах, писателях, художниках), чтобы его воспринимали серьезно, должен во что бы то ни стало продемонстрировать, что отличается от своих непосредственных предшественников, а даже если это не так — стремится создать та-

1 Алан Лилльский (ок. 1128-1202) — французский богослов и поэт.

2 *Tabula rasa* (лат.) — затертой таблички.

3 Излюбленный пример Эко, использованный, в частности, во «Введении» к работе «Искусство и красота в средневековой эстетике» (СПб: Алетейя, 2003).

кую видимость. Ну вот, а схоласты занимались совершенно обратным делом. Совершая самые жуткие отцеубийства, они делали вид, будто повторяют в точности то же, что говаривали их отцы.

Фома Аквинский был для своей эпохи яростным революционером, он перевернул всю философию христианства, но если бы ему на это указали (а кстати, пробовали), он был готов к ответу, что лишь повторяет то же, что за восемь с половиной до него столетий высказывал святой Августин. В словах Фомы Аквинского не было ни обмана, ни лицемерия. Просто всякий философ Средневековья был убежден, что следует только тихонько, понемножку, нечувствительно подправлять, выравнивать, совершенствовать мысли собственных предшественников, и что как раз благодаря суждениям отцов их идеи приобретают кристальную ясность. Тогда-то вошел в употребление афоризм, который я вывел в заголовок этого текста — высказывание о карликах и великанах.

Dicebat Bernardus Carnotensis nos esse quasi nanos gigantium humeris insidentes, ut possimus plura eis et remotiora videre, non utique proprii visus acumine, aut eminentia corporis, sed quia in altum subvehimur et extollimur magnitudine gigantes.

(Бернард Шартрский¹ сказал, что все мы — карлики на плечах великанов, благодаря чему можем видеть дальше нежели те, и не благодаря росту, не благодаря остроте зренья, а потому что став на их плечи, становимся выше, чем те.)

1 Бернард Шартрский (ум. до 1300) — французский философ-схоласт, магистр и канцлер Шартрской школы.

Кого интересует вся история этого афоризма, тому рекомендую обратиться к работе Эдуара Жоно (Jeauneau E. *Nam suite spalle ctigiganti*. Napoli: Guida, 1969). Но другая книжка об этом же афоризме гораздо забавнее и безумнее: я имею в виду «On the Shoulders of Giants», написанную в 1965 году одним из самых крупных современных социологов Робертом Мертоном. Мертон вычитал примечательную модификацию этого афоризма у Ньютона, в письме Ньютона Гуку¹ 1675 года: «If I have seen further it is by standing on ye sholders of Giants»². Мертон стал доискиваться первоисточника цитаты и забирался все дальше в глубь времени, выстраивая цепочки заимствований, добавляя в каждое новое издание сноски и примечания, пока не издал их отдельной книгой, затем ее же он напечатал на итальянском языке (*Sulle spalle deigiganti*. Bologna: Mulino, 1991) и был таклюбезен, что пригласил меня написать предисловие, а потом перевел все это обратно на английский в качестве «пост-итальянского» издания (1993).

Первым, кто приписал высказывание о карликах и великанах Бернарду Шартрскому, был Иоанн Солсберийский³ (*Металогикон*, III, 4). Наверное, Бернард

- 1 Роберт Гук (1635-1703) — английский физик, естествоиспытатель, архитектор. Предвосхитил закон всемирного тяготения, усовершенствовал барометр и микроскоп, открыл закон упругости.
- 2 Если я мог видеть дальше, то потому, что стоял на плечах великанов (*англ.*).
- 3 Иоанн Солсберийский (1115/20-1180) — английский богослов. Обосновал идею верховенства духовной власти над светской. Создал трактат «Металогикон» — введение в логику Аристотеля. Умер в Шартре — городе, где учил Бернард Шартрский.

все же не первым придумал эту фразу. Мы встречаем нечто в подобном духе за шесть столетий до Бернарда, у Присциана. Передаточной инстанцией от Присциана к Бернарду мог выступить Вильгельм Коншский¹, который говорил о великанах и карликах в своих «Глоссах к Присциану» за тридцать шесть лет до Иоанна Солсберийского. Но нас сейчас интересует другое. Нас интересует тот факт, что после Иоанна Солсберийского этот афоризм стал гулять, как говорится, сам по себе. В 1160 году он промелькнул в одном тексте Лаонской школы, в 1185 году — у датского историка Свена Аггесена, у Герарда из Камбрэ, у Рауля из Лоншана, у Эгидия из Корбея, у Герарда из Оверни, а в XIV веке — у Александра Рика, придворного лекаря Арагонских королей, а также еще через два века — в произведениях медика Амбруаза Парэ и у одного ученого XVII столетия, Даниэля Сеннерта, и лишь после этого попал к Ньютону².

- 1 Присциан — римский грамматик VI века. Вильгельм Коншский (Гийом из Конша, ок. 1080-1145) — французский богослов, грамматик и философ, сторонник кверпускулярной теории.
- 2 Свен Аггесен (р. ок. 1140/1150) — первый датский историк. Герард (Жерар) был епископом Камбре в начале XII века и играл активную роль в политической жизни своего времени. Рауль Лоншан (Радульф де Лонго Кампо, XII—XIII вв.) — комментатор Алана Лилльского. Эгидий из Корбея (XIII век) — врач, способствовавший распространению разработанного в Салернской школе метода уроскопии. Герард (Жерар) из Оверни (ум. после 1272) — французский священник, настоятель собора в Мане, автор хроники. Амбруаз Парэ (1517-1590) — придворный врач французских королей. Даниэль Сеннерт (1572-1637) — немецкий химик, медик и фармаколог.

Языковед Туллио Грегори нашел тот же самый афоризм у Гассенди (Tullio G. *Scetticismo ed empirismo* Studio su Gassendi, Bari, Laterza, 1961), однако следовало бы добавить как минимум Ортегу-и-Гассета¹, который в своей работе «Вокруг Галилея» (*Entorno a Galileo Obras completas*, V. Madrid, 1947. P. 45), говоря о смене поколений, использует ту же метафору. «Представим себе поколения не в горизонтальном срезе, а вертикально — скажем, в виде живой пирамиды из акробатов, когда одни стоят на плечах у других. Как правило, те, кто образует ее вершину, чувствуют свое превосходство над другими. Вместе с тем им нельзя забывать, что они — пленники тех, кто стоит внизу».

С другой стороны, в недавно вышедшей «Энтропии» Джереми Рифкина я нашел цитату из Макса Глакмана² «Наука — это любая дисциплина, в которой даже дурак нового поколения может превысить уровень, достигнутый гениями предыдущего поколения». Между этим высказыванием и фразой, приписываемой Бернарду, расстояние в восемь столетий, и с фразой произошли изменения. Описание взаимоотношений «отцов и детей» в философской и в богословской науках здесь трансформируется в

1 Пьер Гассенди (1592-1635) — французский философ и математик. Хосе Ортега-и-Гассет (1883-1955) — испанский философ-идеалист, публицист и общественный деятель. Основатель Испанского института гуманитарных наук. Цитируется его четвертая лекция в пер. А.Б. Матвеева

2 Макс Глакман (1911-1975) — английский антрополог и социолог, основатель Манчестерской школы

формулу, описывающую прогресс в развитии естественных наук

В Средневековье, едва войдя в употребление, эта фраза сразу же обрела популярность потому, что позволяла разрешить во внешне нереволуционной форме конфликт между поколениями. Да, предшественники — безусловно великаны, да, мы безусловно малы в сравнении с ними, но пусть мы малы, благодаря тому, что мы стоим на плечах великанов (то есть пользуемся плодами их учености), мы можем видеть дальше, чем они. Какова была первичная идея этого афоризма? Выразить смирение или гордость? Выразить ту мысль, что мы знаем (даже пусть и лучше) только то, чему предшественники нас научили, или что мы знаем (даже пусть благодаря исключительно предшественникам) больше, нежели знали они?

Поскольку одна из повторяющихся тем средневековой культуры — постепенное старение мира, можно было бы истолковать этот афоризм Бернарда в таком смысле, что, поелику *mundus senescit*¹, мы, потомки, старше наших предшественников, однако благодаря их заветам успеваем понять и сделать то, что предкам не удавалось ни сделать, ни понять. Бернард Шартрский применил это знаменитое высказывание в ходе одного грамматического спора, когда обсуждалось понятие знания и подражания стилю древних, но при этом, как сообщает тот же Иоанн Солсберийский, Бернард бранил своих современ-

1 *Mundus senescit (lat)* — мирстарееет

ков, которые рабски подражали древним, и говорил, что вместо того, чтобы писать так же как предшественники, надлежит просто учиться у предшественников писать хорошо, настолько хорошо, чтобы впоследствии вдохновить еще кого-нибудь не хуже, чем древние вдохновили нас.

То есть, хоть и не современными словами, но говорится: самостоятельнее! Смелее! Именно так и я трактую этот афоризм.

Текстуально говорится: «Мы видим дальше, нежели видели древние». Это метафора пространственная, она подразумевает продвижение к горизонту, и тут необходимо подчеркнуть еще кое-что. Дело в том, что восприятие истории как поступательного движения — от сотворения мира до воскрешения из мертвых и до пришествия Христа торжествующего — является изобретением отцов церкви. Поэтому, нравятся ли это вам, нет ли, но без христианства (в багаже которого — иудейское мессианство) ни Гегель, ни Маркс не смогли бы философствовать о том прогрессе, который Леопарди скептически определил «*magnifliche sorti e progressive*».

Дата появления фразы о карликах — XIII век. Меньше столетия протекло с тех пор как затихли споры по вопросу, из-за которого волновался весь христианский мир со времен первых чтений Апокалипсиса до ужасавшего народ Тысячного года. Эти страхи были сильно преувеличены в том, что касается массовых движений. Но их отголоски явственно слышатся в литературе миллениаризма и во многих еретических идеях и течениях, более или менее

законспирированных. Миллениаризм (невротическое ожидание конца времен) в эпоху появления высказывания о карликах составлял собой тему бурных обсуждений во множестве еретических движений, однако из группы тем, обсуждавшихся в традиционной церкви, миллениаризм быстро испарился. Второе пришествие, конечно, ожидалось, но церковь начала описывать это Второе пришествие как некую идеальную заключительную точку развития истории, так что момент Второго пришествия окрасился положительными тонами. Карлики на плечах великанов сделали символами продвижения к светлому будущему.

С появления в средневековых писаниях этого высказывания о карликах начинается история современного мира. Новизна этой истории и этого мира обусловлена именно тем, что заново обретаются ориентиры, отринутые отцами. Разберем для примера интересную ситуацию, в которой жили известные философы итальянского гуманизма — Пико делла Мирандола¹, Марсилио Фичино. Оба они, как рассказывали нам учителя в школе, — главные герои великой битвы против средневековой косности; приблизительно в тот же период в эстетику был введен термин «готика», то есть нечто темное, мут-

¹ Джованни Пико делла Мирандола (1463-1494) — итальянский мыслитель эпохи Возрождения. Освоил схоластическую традицию аристотелизма и аверроизма, вместе с тем воспринял культуру филологического гуманизма. Изучил древнееврейский и арабский языки, штудировал в оригинале Ветхий завет и Коран, увлекался каббалой и «натуральной магией».

ное, неровное, средневековое. Казалось бы, наступала эпоха сугубой ясности и четкого рационализма. Но чем же были заняты упомянутые здесь выше Пико и Фичино? А заняты они тем, что изучают Платона, предпочитая его Аристотелю, и открывают для себя и для мира «Corpus Hermeticum» и документы халдейских мудрецов. Они возводят храм нового знания на такой ветхой мудрости, которая уходит в глубь времен, давнее даже самого Иисуса Христа. Так что не стоит соглашаться с теми, кто расписывает Гуманизм и Возрождение революционными красками. Их новаторская стратегия зиждется на одном из самых реакционных передергиваний, какие только имели место в истории познания (если под реакционностью в философии понимать возврат к вневременному Преданию). Тут мы имеем дело с такими отцеубийцами, которые, ликвидируя отцов, карабкаются на дедовские плечи и с их мощных плечей обретают ренессансную возможность увидеть человека в качестве центра и средоточия мироздания.

Думаю, лишь после результатов, достигнутых наукой в XVII веке, западная культура получила право заявить сама себе в первый раз, что она перевернула мир кверху тормашками, взаправду совершила революцию в познании. И все же отправная точка этой новой науки — гипотеза Коперника — восходила все к тем же платонизму и пифагорейству. Иезуиты во времена барокко задались целью построить современный мир, альтернативный по отношению к коперникианскому: ища альтернатив, они открывали древнейшую письменность и изучали

цивилизации далекого Востока. Исаак де ла Пейрер, отъявленный еретик, доказывал с бумагами в руках (ниспровергая библейскую хронологию), что мир был начат задолго до появления Адама, в морях, омывающих Китай, и что воплощение Духа Святого является всего лишь только второстепенным эпизодом в истории нашего земного шара. Вико¹ видел всю историю человеческого рода как продвижение от древних великанов к эпохе, когда наконец удастся начать рассуждать чистым разумом. Французское просветительство мыслило себя как радикально современное движение, в доказательство чего убило (прямо-таки взаправду убило, на гильотине) своего отца — избрав в качестве козла отпущения Людовика Капета². Но даже и французские просветители (достаточно почитать хоть немного «Энциклопедию») то и дело обращались к великанам прошлого. В «Энциклопедии» много гравюр с изображением станков — в честь развивающейся мануфактурной промышленности, — но бок о бок с этими материалами есть и статьи «ревизионистские» (в смысле — где история человеческого общества пересматривается глазами активнейших карликов).

Великие коперникианские революции XIX столетия получили импульс от предшественников-великанов. Кант разбудил от догматического сна Дэ-

- 1 Джамбаттиста Вико (1668-1744) — итальянский философ, профессор риторики университета в Неаполе (с 1699). Основатель философии истории и психологии народов.
- 2 Людовик Капет — так называли во время Французской революции восставшие горожане короля (1774-1792) Людовика XVI (1754-1793) из династии Бурбонов.

вид Юм¹. Романтики выдумали «Бюрю и Натиск»² под впечатлением средневековых руин и туманов. Йегель окончательно утвердил примат нового над старым, представив Историю как движение к совершенству без осечек и сожалений, и пересмотрел всю историю человеческой мысли. Маркс выработал свой материализм, взяв себе за отправную точку (в дипломной работе) греческих философов-атомистов. Дарвин аннулировал библейских пращуров и назначил «великанами» крупных антропоморфных обезьян, на чьи плечи и приземлились, оказывается, первые люди, сойдя со своих деревьев, после чего сразу оказались, еще не избыв ни изумления, ни свирепости, перед такой необычной задачей, как необходимость управляться с хватучим противопоставленным большим пальцем руки.

Со второй половины XIX века зарождаются новаторские стили в искусстве, которые почти целиком сводятся к новому употреблению старых приемов. Именно в этом новизна прерафаэлитов и декадентов. Новая близость к некоторым далеким отцам приводит к бунту против отцов непосредственных, развращенных чересчур легкой жизнью, наступившей после изобретения механического ткацкого стана. Кардуччи был глашатаем современности, он создал гимн Сатане, однако то и дело продолжал об-

- 1 Дэвид Юм (1711-1776) — английский философ, последователь Локка, разработавший эмпирический метод в подходе к идеям, подводивший к скептицизму.
- 2 «Буря и натиск» (Sturm und Drang) — предромантическое течение в Германии конца XVIII в.

ращаться за подсказками и идеалами к мифическому прошлому коммунальной Италии.

Авангардисты начала XX века — казалось бы, самый чистый случай отцеубийства во имя модерна, под широковещательные заявления, что отныне все свободны от раскланивания перед прошлым. Это победа гоночного автомобиля над Никой Самофракийской. Это убийство лунного света¹. Это культ войны как единственной гигиены мира. Это кубистское расчленение форм. Это марш абстрактного искусства к белому холсту, замена музыки шумом или молчанием или замена гармонической тональности — «серией»; в моду входят офисные опен-спейсы с низкими стенками, которые не возвышаются над пространством, а поглощают его, в моду входят дома в форме стелы — параллелепипеда. Минималистское искусство торжествует. Торжествует и такая литература, которая формируется путем деструкции нарративного потока и нарративного времени во имя коллажа и белого листа.

Однако после того как ниспровергнуты великаны-кумиры и обнулено все наследие пращуров, опять-таки начинает проклевываться в карликах почтение к высшим авторитетам. Пример подобного почтения — не столько Маринетти, который, замазывая грехи за убийство лунного света, вступил в

- 1 В «Футуристическом манифесте» 1909 г. итальянского поэта Филиппо Томазо Маринетти (1876-1944) сказано, что гоночный автомобиль, «несущийся как шрапнель», прекраснее Ники Самофракийской. Убийство лунного света провозглашается во «Втором футуристическом манифесте» 1909 г.: «Прикончим лунный свет!» — «Uccidiamo il chiaro di luna!».

Академию Италии (каковая Итальянская академия к лунному-то свету донельзя благоволила!), сколько Пикассо¹, который, чтоб получше разделить человеческое лицо, вдумчиво изучал классические и возрожденческие каноны, в итоге возвратившись к образам древних минотавров. Дюшан² пририсовал усы Джоконде, но ему потребовалась Джоконда, чтобы было кому приделать усы. Магритт³, дабы провозгласить; что рисуемое им — это не трубка, вынужден был нарисовать с тщательнейшей реалистичностью — именно трубку. Наконец, великое отцеzakлание, совершенное над историческим телом романа, отцеzakлание Джойса, совершилось в форме перепева гомерова сюжета. Новейший джойсов Улисс плывет, сидя на плечах минувшего, привязавшись к корабельной мачте мифа и литературы⁴.

Вот мы с вами и подплыли к самому заветному: к постмодернизму. О постмодернизме говорят все,

- 1 Пабло Пикассо (1881-1973) — французский художник испанского происхождения.
- 2 Марсель Дюшан (1887-1968) — французский художник и теоретик искусства.
- 3 Рене Магритт (1898-1967) — французский художник-сюрреалист, воспроизводивший на своих картинах мир в мельчайших гиперреалистических деталях, но в странных сочетаниях.
- 4 Ирландский писатель Джеймс Джойс (1882-1941) в романе «Улисс» (1922) не только обыграл сюжет гомеровской «Одиссеи», но и «заменял», как считают некоторые традиционные критики, роман литературой потока сознания. Аллюзия на «Одиссею» Шмера: герой отважился послушать пение Сирен, но просил спутников привязать его к мачте, чтобы, обольщенный их сладкими голосами, он не мог броситься в море и попытаться вплавь достигнуть острова Сирен.

всегда и применительно ко всему. Однако все-же, наверное, есть нечто общее в культурных операциях, называемых постмодернистскими. Я имею в виду, что постмодернизм — это реакция, вполне возможно бессознательная, на ницшеанское «Второе несвоевременное рассуждение» об истории, где объявляется «ущербным» «развитие исторического чувства». Если это историческое чувство, столь ненавистное для Фридриха Ницше, не сумели выгнать из своего сознания даже революционеры и авангардисты, что ж — придется нам всем смириться с тягостными влияниями и всегда учитывать прошлое в общем плане, но посылно стремиться отойти от него на максимальное расстояние, допускаемое иронией¹.

Мы подошли к последнему, недавнему этапу поколенческого бунта: к 1968 году. Это яркий пример протеста «новой» молодежи против общества взрослых, против всех, кому нельзя доверять, кто старше тридцати лет. Оставим в стороне американских хиппи, вдохновлявшихся заветами старого доброго

- 1 В этом исследовании Ницше впервые признает болезнью, типическим признаком упадка «историческое чувство»: «Всякая деятельность нуждается в забвении... Развитие исторического чувства влечет за собой ущерб... Нелепость и предрассудок — вера, что воспитание народа должно носить исторический характер... Историческое образование должно считаться родом прирожденного седовласия... Один великан окликает другого через пустынные промежутки времени, и эти беседы исполинов духа продолжаются, не нарушаемые резвой суетой шумного поколения карликов, которые копошатся у их ног... Гигиена жизни: неисторическое и надисторическое должны считаться естественными противоядиями против заглушения жизни историческим, против исторической болезни».

Маркузе¹, и вспомним, какие лозунги выкрикивали демонстранты в Италии: «Viva Marx!», «Viva Lenin!», «Viva Mao Tze Tung!». Это как раз показывает, до чего были необходимы прашуры-великаны тем, кто протестовал против предательства отцов (то есть парламентских левых). Становится культовой даже фигура новоявленного *puer senilis*, Че Гевары² — он умер молодым, но после смерти сделался иконой мудрости, и это юноша со всеми достоинствами старика.

Однако с 68-го по сегодняшний день все на свете переменялось... До какой степени — можно понять, вникнув в явление, которое у многих в сознании невнимательно помечено ярлыком «нового 68-го»: я говорю об антиглобалистах. Часто в печати особо подчеркивается молодежный окрас антиглобального движения. Но это движение отнюдь не только молодежное. В нем участвуют и семидесятилетние священнослужители. 1968 год — это да, он был проявлением поколенческого протеста, к которому периодически причаливали нетипичные взрослые, неизвестно с какой стати переодевавшиеся из пиджачной пары в свитера и отказывавшиеся от оделонов во имя вольного, бунтарского потения. Но в

- 1 Герберт Маркузе (1898-1979) — американский философ и политог, в 1934 г эмигрировал из Германии. Призывал к радикальному отказу от ценностей как капиталистического, так и социалистического мира, полагал, что общество будет революционизировано аутсайдерами, представителями маргинальных движений.
- 2 Эрнесто (Че) Гевара (1928-1967) — участник революции и гражданской войны на Кубе, министр в правительстве Фиделя Кастро, в 1966 г, оставив пост в правительстве, отправился к партизанам Боливии, попал в плен и погиб.

68-м году один из первых лозунгов движения звучал примерно так: не доверяться никому на свете из тех, кто старше тридцати. Антиглобализм вообще не знал таких лозунгов, антиглобализм не молодежен, его родоначальники — почтенные взрослые люди, к примеру — Бове¹, и часто они — носители опыта прежних революций. Это не выражение генерационного конфликта, не спор традиции и новаторства, а если бы в антиглобализме этот спор и присутствовал, то (с вынужденной приблизительностью) пришлось бы провозгласить, что глобалисты с технократами — это как раз в данном споре новаторы, а борцы-демонстранты — это оберегатели прошлого, ностальгики, луддисты.

Все, что происходило в последние десять лет, от Сизглаго Генуи, несомненно представляет собой новейшую форму политической конфронтации, но (важно!) эта конфронтация построена, в принципе, по касательной и ко всем поколениям, и ко всем идеологиям. Этот конфликт представляет собой сшибку разных мировоззрений, разных взглядов на будущее мира, хочется даже сказать — разных властей, первая из которых сильна, потому что владеет средствами производства, но сильна и вторая, потому что она изобретает новые средства коммуникации. На поле боя (в битве «белых комбинезонов»² против глобали-

- 1 Жозе Бове (р 1950) — французский общественный деятель, лидер Крестьянской федерации Франции, скандально известный антиглобалист и радикал.
- 2 «Белые комбинезоны» — молодежная итальянская организация антиглобалистов (создана в 1997).

стов) молодые и пожилые присутствуют примерно в одинаковом количестве на обоих фронтах. Сорокалетние яппи новой экономики идут стеной против сорокалетних из «социальных центров», и те и другие — бок о бок со старшими товарищами.

Дело в том, что в тридцатилетие, протекшее с 68-го года до эпохи протестов против саммитов «Большой Восьмерки», замкнулся круг, наметившийся очень и очень давно. Поясню эту мысль. Во все прошлые времена для того, чтобы выстраивалась диалектика отцов и детей, требовалось наличие такой сильной отцовской модели, для которой провокационное новаторство детей оказалось бы совершенно неприемлемым, невзирая ни на какие апелляции к выводимым из забвения примерам великанов. И действительно, неприемлемыми оказались латинские «новые поэты» *quia purei*¹, как говаривал Гораций. Неприемлемым для замшелых университетских латинистов был новообразующийся вольгаре. Фома и Бонаventura протаскивали новые идеи, уповая на то, что никто этого не заметит — однако их враги из нищенствующих орденов, руководившие Парижским университетом, великолепно все поняли и попытались запретить преподавание Бонаventura и Фомы. И так далее, и так далее. Вплоть до автомобиля, воспетого Маринетти, который превозносил автомобиль превыше Ники Самофракийской, лишь только бы насолить благонамеренным обывателям, которые воспринимали машину как уродское нагромождение скрежещущего металла.

1 *Quia purei* (лет.) — потому что недавние.

Модели вкусов сменяют друг друга в порядке борьбы между поколениями. Отцы должны были обожать худосочных Венер Кранаха, чтобы им показались оскорблением толстомясые Венеры Рубенса; отцам должен нравиться Альма-Тадема, чтобы они с негодованием спросили у детей, какой смысл в каракулях Миро или в африканском искусстве; отцы должны были грезить о Грете Гарбо, чтобы потом потребовать от детей отчета, что же хорошего те находят в кривляке Брижит Бардо¹.

Но в наш с вами сегодняшний период, благодаря появлению не существовавших прежде носителей информации и благодаря коренному обновлению музейного дела (в музеи хлынули такие посетители, которые в прежние времена и ногой туда не ступали), образовалось одновременное и синкретичное культурное предложение: актуализировались все вкусы, можно сказать даже — все ценности. Когда Меган Гэйл² кувыркается под куполами среди волнот музея Гугенхайма в Бильбао, сексуальный призыв и в то же время призыв искусства вызывают вожделение и у отцов и у детей: музей становится объектом сексуального желания, как Меган Гэйл, а Меган Гэйл — объектом

1 Лукас Кранах Старший (1472-1553) — немецкий художник Питер Пауль Рубенс (1577-1640) — фламандский художник, писавший мощные мужские и женские тела. Сэр Лоуренс Альма-Тадема (1836-1912) — англо-голландский художник, представитель викторианского неоклассицизма Хоан Миро (1893-1983) — испанский художник-дадаист. Грета Гарбо (Грета Луиза Густавсон, 1905-1990) — шведско-американская киноактриса. Брижит Бардо (Камилла Жеваль, р. 1934) — французская актриса.

2 Меган Гэйл (р. 1975) — австралийская топ-модель.

культуры, как музей гуттенхайма, и оба объекта амальгамируются в киноленте, объединяя гастрономическую аппетитность рекламного призыва с эстетической дерзостью: в прежние времена такой ролик мог предназначаться лишь ограниченному числу эстетов.

Чередуя новые символы со старыми, окутанными флером ностальгии, телевидение навязывает всем поколениям такие образцы, как Че Гевара и мать Тереза из Калькутты, как принцесса Диана и святой отец Пий, а вместе с ними и Рита Хейворт, Брижит Бардо, Джулия Роберте, донельзя мужественный Джон Уэйн, секс-символ 40-х, и милый Дастин Хоффман¹, секс-символ 60-х. Снова популярен щедушный Фред Астэр (знаменитость 30-х годов), танцевавший в пятидесятые вместе с квадратным Джинном Келли; на телеэкранах мелькают то пышные дамские туалеты в стиле фильма «Роберта»², то бесполое силуэты, введенные в моду несравненной Коко

- 1 Мать Тереза (Агнес Гонджа Бояджиу, 1910-1997) — католическая монахиня, основательница ордена милосердия. В 1997 г. удостоена Нобелевской премии мира. Рассматривается вопрос о ее канонизации. Рита Хейворт (Рита Кансино, 1918-1987) — американская киноактриса. Джулия Роберте (р. 1967) — американская киноактриса. Джон Уэйн (Марион Роберт Моррисон, 1907-1979) — американский киноактер, герой вестернов. Дастин Хоффман (р. 1937) — американский киноактер.
- 2 Фред Астэр (Фредерик Аустерлиц, 1899-1987) — американский танцовщик и киноактер. Джин Келли (1912-1996) — американский актер, танцор и певец. «Роберта» (1935) — музыкальная комедия американского режиссера Уильяма Сайтера с Фредом Астэром и его постоянной партнершей Джинджер Роджерс (Вирджиния Катрин Макмэт, 1911-1995) в главных ролях, экранизация одноименного бродвейского мюзикла Джерома Керна и Отто Харбаха (1933).

Шанель¹. Кого природа не наградила такой медальностью и утонченностью, как Ричарда Гира, тот может похвалиться изящной страстностью (и это Аль Пачино), или пролетарским грубоватым обаянием (например, Роберт Де Ниро²). Кому не досталась супермощная «мазерати», тот получает удовольствие от суперфункциональной и изящной «мини-моррис».

Сегодня массам не навязывается однотипный вкус. Искусство рекламы, шаря в запасниках прошлого, способно использовать даже для краткосрочного ролика, предназначенного жить всего одну неделю — все наследие авангардного искусства и в то же время новооткрыть иконографию XIX века. В интернетных ролевых играх задействуется эстетика детской сказки в сочетании с изломанной геометрией Эшера³. На телеэкранах расцветают все цветы: роскошное тело Мэрилин Монро и чахоточные супермодели, экзотическая сексуальность Наоми Кэмпбелл и нордическое совершенство Клаудии Шиффер; очаровательная чечетка из фильма «Кордебалет»⁴ сменяется

- 1 Коко (Габриэль Бонёр) Шанель (1883-1971) — французская кутюрье, основательница фирмы «Шанель», автор революционных преобразований в мировой моде.
- 2 Ричард Гир (р. 1949) — американский киноактер. Аль Пачино (Альфредо Джеймс Пачино, р. 1940) — американский киноактер. Роберт де Ниро (р. 1943) — американский киноактер.
- 3 Мориц Корнелис Эшер (1898-1972) — голландский мастер парадоксальных пространственных построений.
- 4 Клаудия Шиффер (р. 1970) — немецкая топ-модель и актриса. «Кордебалет» (1985) — фильм английского режиссера Ричарда Аттенборо по одноименному мюзиклу Марвина Хэмлиша и Эдварда Клебана.

ледяными футуристическими кадрами из «Бегущего по лезвию бритвы», тут же возникает андрогинная Джоди Фостер, свежееумытая Камерон Диас, мощный Рэмбо, транссексуалка Платинетт, чудный Джордж Клуни¹ (мечта любого на свете отца — сын стал хорошим врачом!) и неокиборги (рожа намазана металлической краской и серо-буро-малиновые патлы).

При такой оргиастической толерантности, в таком абсолютном и неограниченном многобожии сохраняется ли хоть какая-то линия водораздела, хоть какая-то мембрана между миром отцов и миром детей? Граница, которая необходима и детям, — чтоб они могли совершить, как положено, отцеубийство в ознаменование бунта и почтения, и отцам — чтобы им порядочно отработать традиционный комплекс Сатурна?

Трудно ответить. Мы в начале очередного витка развития общества. Но если поразмыслить о таких новшествах, как портативный компьютер, во-первых, и Интернет, во-вторых... Первый компьютер в семью, как правило, приносил отец. Хотя бы по

1 «Бегущий по лезвию бритвы» (1982) — фантастический фильм американского режиссера Ридли Скотта. Джоди Фостер (р. 1962) — американская киноактриса. Камерон Диас (р. 1972) — американская кинозвезда. Рэмбо — образ, созданный американским актером Сильвестром Сталлоне (р. 1946), «машина убийства» в одноименном киносериале (с 1982). Платинетт — псевдоним итальянского телеведущего Мауро Коруччи (р. 1954), выступающего в париках и платьях транссексуала. Джордж Клуни (р. 1961) — американский киноактер и режиссер, сыгравший роль доктора Дага Росса в сериале «Скорая помощь» (1994).

причине его высокой стоимости. Дети не отвергали отцовское приношение, а завладевали им, легко превосходя отца в навыках управления. Ни отцы, ни дети не воспринимали компьютер как символ конфликта и бунта или как предмет, внедряемый на зло. Компьютер не отдалил одно поколение от другого, напротив, он сблизил поколения. Никто не пеняет детям на то, что они странствуют по Интернету. Никто не ссорится с родителями из-за этого.

Нельзя сказать, что нам дается мало новаций. Но большинство этих новаций чисто технологичны. Они вырабатываются транснациональными корпорациями (которыми обычно руководят пожилые люди) и маркетируются так, чтобы разжигать аппетиты людей молодых. В последнее время распространены рассуждения о новом языке молодежи, языке мобильных телефонов и электронной почты; но я могу процитировать научные работы десятилетней давности, в которых те самые лица, которые потом разработали и внедрили эти новые информационные средства, и те пожилые социологи и семиологи, которые их консультировали, предсказали в точности, как будет создаваться новый электронный язык, какие формулы он будет использовать. Билл Гейтс¹ поначалу принадлежал к поколению молодых, но сейчас это вполне зрелый господин, который предписывает молодежи тот язык, на котором молодежь должна говорить. Да и когда он был молод, он не выдумал ничего революционного —

1 Уильям Гейтс (р. 1955) — американский предприниматель, разработчик ПО, создатель корпорации Microsoft

только внедрил перспективную коммерческую программу, адресованную в равной мере и детям и отцам.

Принято думать, что многие молодые люди, не дозрев до фазы выхода из лона семьи, удаляются и от общества и ищут альтернативного бытия в наркотиках. Но дорогу в наркотический рай — ее тоже проложили те, кто сейчас отцы, даже, вернее, отцы отцов (вспомним курильщиков опия в сочинениях XIX века). Новые поколения наркоманов получают путевку в жизнь от вполне взрослого «интернационала наркодилеров».

На это можно было бы сказать: не в том дело, что отсутствует замещение моделей, — просто замещение проходит ускоренным порядком. Но я отвечаю: это возражение мало что может изменить. Если поначалу какая-нибудь молодежная хреновина (кроссовки «Найки», серьга в ухе) и оскорбляет эстетический вкус поколения отцов, она столь незамедлительно внедряется в сознание, благодаря информационной бомбардировке, что почти сразу же становится приемлемой и принятой даже пожилыми членами общества — с тем риском, даже, что это молодые станут фыркать пожилым в ответ: это давно не котируется!

И как угнаться за передачей этих эстафет. В масштабах всей планеты формируется общий результат — всеохватный политеизм, синкретичное одновременное присутствие любых ценностей.

Принадлежал ли «ню-эйдж» какому-то определенному поколению? «Нью-эйдж» — это компот из

всей эзотерики, скопившейся за тысячи лет. Можно предположить, что речь идет о переоткрытии спасаемого от забвения материала. Как водится, вытаскивали его на свет божий из тьмы веков бунтующие молодые. Но сразу же как только они его вытащили, вся куча образов, звуков и представлений, характерная для «ню-эйдж», оказалась растиражирована через бесчисленные фирмы звукозаписи, издательства, киностудии, их филиалы, их дочерние фирмы, через религиозные кружки, и занимались этим гомерическим тиражированием вовсе не молодые, а прожженные старые циники из масс-медийного бизнеса. Старишь повсюду: если юноше придет в голову двинуть на Восток за духовными ценностями, там он окажется в полурабстве у дряхлого гуру со многими любовницами и многими «кадиллаками».

То, что нам кажется крайними знаками молодежного стиля: булавка в языке и фиолетовые волосы — ныне уже не оперение немногих избранных, а общераспространенная модель. Ее навязали всем и каждому центры мировой моды, управляемые геронтократами. Недолго осталось ждать, СМИ через некоторое время навяжут эту моду и родителям. Если, конечно, вдруг и старые и малые спонтанно не передумают втыкать в язык булавки, сообразив, что с булавками неудобно лизать мороженое.

Зачем же, коли так, отцам отныне пожирать потомство, зачем потомству убивать отцов? О, возникает риск для всех, без наималейшей чьей бы то ни было вины, что непрерывные инновации, бесконфликтно принимаемые всеми, приведут одних карликов на плечи к другим карликам.

Ладно. Нечего причитать. Будь сейчас традиционная эпоха, меня не пригласили бы читать заключительный доклад на «Миланезиане». Самое большее — посадили бы как почетного пенсионера в президиум. Я начал выступать с заключительными речами на подобных праздниках, когда мне было тридцать лет. Но, к сожалению, даже будь организаторами этой «Миланезианы» двадцатилетние, все равно они позвали бы Салмана Рушди и Терренса Малика¹.

Ладно. Мы вступили в новую эру. Закат идеологий. Стушеваются традиционные различия между левыми и правыми, прогрессистами и консерваторами, окончательно утратили остроту любые конфликты поколений. Однако с точки зрения биологии: хорошо ли, что восстание детей — лишь формальное повторение бунтарского поведения, обкатанного в прошлом отцами? Правильно ли, что отцы не пожирают детей, а добровольно отдаривают им не нужные самим и никому не нужные, раскрашенные в яркие цвета жизненные пространства? Когда кризис распространяется на самый принцип отцеубийства, *mala tempora currunt*².

В то же время, как известно, наихудшие диагнозы любых времен — сами современники. Мои ги-

1 Салман Рушди (р, 1947) — англо-пакистанский писатель, работающий в струе «магического реализма»; за «Сатанинские стихи» (1988) навлек на себя гнев аятоллы Хомейни. С тех времен живет полуподпольно и под охраной. Терренс Малик (р. 1943) — американский режиссер, непризнанный гений, в течение 20 лет не работавший, поскольку не находил общего языка со зрителями, культовая фигура.

2 *Mala tempora currunt* (лет.) — наступают дурные времена.

ганты объяснили мне, что в переходные эпохи исчезают ориентиры и представление о будущем, не удастся разглядеть хитро скрытое Основание и разгадать все сюрпризы *Zeitgeist*'a¹. Может, здоровые идеалы отцеубийства возвратятся к нам в несколько ином виде и у новых поколений все наладится: клонированные дети яростно забунтуют и против юридических отцов, и против доноров спермы.

Верю: из потемок уже бредут незнакомые гиганты, готовые плотно сесть нам с вами, карлика, на плечи.

О плюсах и минусах смерти²

Вероятно, этот философский сюжет родился из размышления о начале — об *arche*³, как мы помним по досократикам, но в равной степени вероятно, что размышление это возникло из констатации, что все вещи имеют, кроме начала, еще и конец.

С другой стороны, самый известный силлогизм на свете — это: «Все люди смертны, Сократ человек, следовательно, Сократ смертен». Что смертен и Сократ — это вывод, находимый посредством логики,

1 *Zeitgeist* («ей») — дух времени.

2 Заключительный очерк сборника «Смерть и бессмертие» (*La mort et l'immortalité*) под редакцией Фредерика Ленуара и Жана-Филиппа де Тоннака. (Paris: Bayard, 2004).

3 *Arche* (греч.) — начало. Этим словом первые философы обозначали начало и источник всех вещей, которого они доискивались.

но вот что все на свете люди смертны — это посылка до того непреложная, что ее не подвергает сомнению никто. В ходе людской истории было много истин, сперва сомнения не вызывавших (что солнце обращается вокруг земли, что бывает самозарождение жизни, что существует философский камень). Однако все эти истины были пересмотрены и их перестали считать несомненными. Но истину о смертности всех на свете людей никто не трогал. Самое большее — сделали исключение для одного, который, может быть, воскрес. Но и чтоб воскреснуть, он должен был прежде умереть.

Поэтому всякий, кто философствует, принимает смерть как нормальную развязку для всех людей, и не стоило дожидаться Хайдеггера, чтобы понять, что всякий (как минимум всякий, кто думает) живет для смерти. Я сказал «всякий, кто думает» — то есть тот, кто думает-философствует, потому что я знаю многих людей, даже интеллигентных, которые, стоит упомянуть при них смерть (чужую), трижды перекрестятся, трижды поплюют и сделают пальцами рога. Философы же — нет, им известно, что смерть плевками не ликвидируешь, и они проводят жизнь во многих работах, ожидая своего часа. Безмятежно дожидается конца и тот, кто верует в загробную жизнь, и тот, кто думает, будто в определенный момент, согласно учению Эпикура, настанет смерть, но нам не следует волноваться — нас-то уже при этом не будет.

Безусловно, любой человек, не исключая и философов, предпочел бы прийти к финалу не страдая,

потому что боль отвратительна живой натуре. Кто-то хотел бы внезапно переступить через черту, не зная о ней, другие предпочли бы медленное осознанное приближение к крайнему пределу. Третьи мечтали бы сами определить срок, когда. Но все это психологические тонкости. Основная проблема — неминуемость смерти и необходимость понять, как же подготовиться к ней. Подготовок существует много. Я предпочитаю из всех них одну, которую сам разработал. Поэтому процитирую себя сам и повторю куски из текста, написанного мной несколько лет назад, как бы шутливо, но на самом деле с полнейшей серьезностью:

Безмятежный уход¹

Малооригинальное утверждение: одна из главных проблем для человека — проблема встречи со смертью. По-видимому, этот вопрос острее для неверующих (им предстоит принять то Ничто, которое ждет за порогом), но статистика утверждает, что и многих верующих людей этот переход изрядно беспокоит, хотя они и полагают, что после смерти есть следующая жизнь. Тем не менее для них жизнь по сю сторону порога настолько приятна, что расставаться с нею не хочется. Они готовятся, конечно, присоединиться к сонму ангелов, но как-то с этим не торопятся.

1 «Come prepararsi serenamente alia morte». «Эспрессо». Вплеседствии в сб.: «Картонка Минервы» (*La Bustina di Minerva*. Milano: Bompiani, 2000).

Разумеется, вопрос стоит о том, как уяснить перспективу смерти или даже только попросту уяснить, что все люди так или иначе смертны. Это нетрудно, пока это касается Сократа, но нелегко, когда начинает касаться нас. Самым трудным моментом будет тот, когда мы четко поймем, что вот сейчас мы еще существуем, а через миг — перестанем существовать.

Вдумчивый юноша (назовем его Критоном) поставил передо мной вопрос в такой форме: «Учитель, как лучше всего подойти к смерти?» Я отвечал, что лучший способ подойти к смерти — уверить себя в том, что вокруг одни дураки.

Критон был удивлен, и я дал ему разъяснения. Видишь ли, сказал я Критону, невозможно принять перспективу разлуки с жизнью, даже если ты верующий. Все равно, если тебе кажется, будто в то время, пока ты тут переходишь в мир иной, повсюду красавицы и красавцы отплясывают в дискотеках, высокоумные ученые проникают в нераскрытые тайны творения, неподкупные мужи совершенствуют государственную власть, органы прессы и телевидения детально отражают значительные факты, промышленники стараются, чтобы их фабрики и заводы не портили окружающую среду, работают над внедрением в природу питьевых ручейков, лесистых холмов, над расчищением неба и пополнением озона, с тем чтобы пенящиеся облака снова начали испускать на дубравы свои благовонные росы, — думать о том, что столько всего хорошего происходит, а тебе почему-то предстоит сматываться, — думать об этом совершенно невыносимо.

Однако можно и повернуть это дело иначе, и когда станет ясно, что пора проходить на посадку, имеет смысл убедить себя, что из шести миллиардов человеческих особей ровно шесть миллиардов — бестолочи, и все отплясывающие в дискотеках — козлы, и все ученые, лезущие в тайны мироздания, — дуболомы, и все политики, которые предлагают путь к спасению от болезней человечества, — придурки, а те, кто марает сотни и сотни страниц бумаги, пересказывая никому не интересные сплетни, — это зловредные идиоты, также как и гады-фабриканты, отравляющие атмосферу. Разве не радость, не счастье, не чистое удовлетворение — двинуть подальше из этого заповедника слабоумных?

Критон тогда спросил: «Учитель, когда же мне начинать все это думать?» Я ответил, что не в самом юношеском возрасте, потому что в двадцать или тридцать лет думать, что все остальные олухи, способен только такой олух, которому никогда не суждено поумнеть. Поначалу полагается думать, что все прочие значительно умнее, а потом надо эволюционировать, и годам к сорока проникаться сомнением, а к пятидесяти-шестидесяти вырабатывать тотальный скепсис и бодро достигать уверенности приблизительно к столетнему юбилею, приуготовливаясь подвести черту, когда прозвучит финальный свисток

Увериться, что все, кто нас окружает (как уже сказано, шесть миллиардов особей), — исключительные дурни, — это достижимо лишь путем тонкой, профессиональной работы, недоступной первому попавшемуся Кебету с дыркой и колечком в моче уха (или в

ноздre). Увериться в этом можно только путем упорной работы. Не торопите время. К результату следует подвигаться постепенно, по мере продвижения к дате ухода. Даже только всего лишь за день до кончины каждому надлежит думать, что есть на свете один кто-то, кто составляет исключение, кого мы любим, кого мы искренне уважаем и ценим, и кто не абсолютный идиот. Главная хитрость состоит в том, чтобы понять за одну минуту до смерти (не раньше), что и этот единственный — фуфло. И тогда можно спокойно уходить.

Итак, высокое искусство состоит в умении познавать науки, изучать обычаи, день за днем анализировать прессу: панегирики творческих работников, апофегмы политиков, философемы апокалиптических критиков, афоризмы харизматических лидеров. Надо интересоваться теориями, предложениями, апелляциями, появлениями, проявлениями. Только тогда, в конце концов, выработается неколебимая уверенность: все на свете — остолопы. Вот, вы готовы к рандеву со смертью.

До самого края надо бороться с этой невыносимой явью. До последней минуты следует надеяться и верить, что хотя бы кто-то произносит осмысленные вещи, что хоть какая-то книга не настолько глупа, как все другие, что хоть один президент государства на нашей планете одушевляется благом. Это столь естественно, человечно, присуще человеческому характеру: не допускать, будто все без исключения на этом свете полоумны. Ведь если так, не имело смысла жить. Так вот, перед финалом мы именно как раз и пойдем,

что жить не стоило, и убедимся, что есть прямой резон (и это даже очень желательно) умереть поскорее.

Критон отвечал мне на это: «Учитель, я вас послушал и решил, что полоумнее всех остальных как раз вы». — «Видишь, — отпарировала. — Ты начинаешь уваивать мой метод».

В этом отрывке отображена глубокая истина, а именно — что подготовка к смерти состоит в постепенном усвоении принципа *Vanitas vanitatum*, по Екклезиаству. Все тщета. *Vanitas vanitatum et omnia vanitas*¹.

И все же (и тут я приступаю к первой части моей аргументации), невзирая на подобный прдход, философам тоже свойственны горькие мысли об абсурдности смерти. Красота роста и созревания состоит в ощущении, что жизнь — чудесное накопление знаний. Если ты не идиот, не страдаешь хронической амнезией, по мере вырастания ты учишься. Человечество называет результат этого обучения опытом. За их опытность старейшин считали самыми мудрыми во всех племенах. Их задачей было — передавать собственные знания детям и внукам. Восхитительно чувствовать, что каждый день ты узнаешь новое, что ошибки, тобою совершенные, сделали тебя мудрее, что в то время как тело ослабевает, голова твоя все крепнет и усиливается, она —

1 *Vanitas vanitatum et omnia vanitas* (лат. -, Екклезиаств, 1:2) — *Суета сует... все суета*.

библиотека, которая пополняется каждый день новыми книгами.

Я из тех, кто не плачет по молодости, хотя рад, что прожил ее, но не хотел бы пережить ее заново, поскольку ныне я ощущаю себя богаче. Мысль, что когда придет смерть, все это богатство утратится, — причина и страданий и страхов. И даже мысль, что мои потомки в один прекрасный день познают столько же, сколько я, и даже больше, не утешает меня. Мне думается: какая растрата, десятки годов потрачены на строительство уникального опыта, и все это предстоит выкинуть. Сжечь Александрийскую библиотеку. Взорвать Лувр. Затопить в пучине бурного моря дивнейшую, богатейшую и полную знаний Атлантиду.

Спасаться от этих нерадостных мыслей можно только работая. Пиша, рисуя, возводя города. Ты умираешь, но большая часть накопленного тобой не теряется, ты оставляешь в бутылке рукопись. Рафаэль скончался, но его живописная манера до сих пор используется художниками, и именно благодаря тому, что жил Рафаэль, сумели выстроить свои новые миры искусства Мане¹ и Пикассо. Не хочется, чтобы эта моя теория обросла аристократическими или расистскими коннотациями. Не то чтобы победа над смертью была доступна только писателям, мыслителям и художникам. Самый простой человек может передать свой опыт в наследство детям, рас-

1 Рафаэль Санти (1483-1520) — итальянский художник
Эдуард Мане (1832-1883) — французский художник, родоначальник импрессионизма.

сказами ли, записками или собственным деятельным примером. Мы все высказываемся, рассказываем о своей жизни, порой изводим других, навязывая им свои далекие воспоминания как раз во имя того, чтобы сохранялась память.

И тем не менее, при том, что многое поддается рассказыванию и записыванию, будь я Платоном, Монтенем¹ и Эйнштейном, говори я бесконечно и пиши неустанно, мне вовеки не передать весь прожитый жизненный опыт — ни то чувство, которое мною овладевало в часы любви, ни волнение при виде заката. И Канту не удалось полностью передать все, что он понял, созерцая звездное небо над головой.

Вот она, настоящая абсурдность смерти, и даже философу думать об этом ужасно грустно. Каждый из нас отдает без остатка свою жизнь, восстанавливая опыты, уже освоенные другими и утрачивающиеся по мере смерти других. Думаю, все это имеет отношение к кривой энтропии. Как бы то ни было, ничего не поделаешь. Философу приходится согласиться, что в смерти имеется вот такая вот абсурдность.

Что можно противопоставить этой абсурдности? Завоевание бессмертия, отвечают нам. Не мое дело —

1 Мишель Монтень (1533-1592) — французский писатель, философ, автор книги «Опыты», где в свободной форме изложил свои мысли, эпизоды своей жизни и рассуждения о прочитанных книгах

спорить, осуществимо ли бессмертие на практике, даже в каком-то удаленном будущем, и удастся ли в этом будущем жить по сто пятьдесят и больше лет. Если старость — просто болезнь, можно проводить профилактику, беречь здоровье. Пусть об этом думают доктора. Я же ограничусь тем, что вообразу случай жизни очень долгой и бесконечной, и на основании этого попробую пофилософствовать не только о минусах, но и о некоторых плюсах смерти.

Если бы я долженствовал, если бы я мог совершать выбор и мне бы гарантировали, что я не проведу последние годы в старческом помрачении ума и немощах тела, я бы сказал, что предпочту прожить сто, даже может быть, сто двадцать лет, что это лучше чем семьдесят пять (по данному вопросу философы имеют то же мнение, что и широкие массы). Но именно вообразая себя стодвадцатилетним, я ярко вижу не только абсурдность смерти, но и абсурдность бессмертия.

Первый вопрос таков. Будут ли мафусаиловы веки дарованы мне как единственному счастливчику, или этот подарок сделают всем. Если только мне одному — значит, придется наблюдать, как исчезают один за другим любимые люди, мои собственные дети, мои внуки. Если у этих внуков будут собственные дети и внуки, я, конечно, смогу любить их и утешать их при кончине их родителей. Но какую же болью и тоской по ушедшим окрасится эта моя бесконечная старость. До чего это будет кошмарно. И до чего я буду чувствовать себя виноватым, что пережил их.

Если при том моя мудрость будет расти, при убеждении (по процитированной выше формуле) что кругом дураки, как смогу я переносить свое умное бытие в окружении идиотов? Если я буду единственным, кто помнит — в окружении беспамятных, как вынесу интеллектуальное и моральное одиночество?

Может также случиться еще худшее, вполне вероятное: рост моего личного опыта окажется медленнее, чем развитие коллективного интеллекта, и я буду жить со своим скромным выходящим из моды умишком в коллективе молодых, интеллектуально гибких существ.

Еще страшнее вообразить, что свобода от смерти, бесконечная жизнь будут дарованы всем. Мир переполнится столетними дедами (а то и тысячелетними), отбирающими жизненное пространство у новых поколений, и все вокруг предадутся ожесточенной борьбе за блага, *struggle for life*¹. До чего моим потомкам будет хотеться, чтобы я наконец смотал удочки!

Остается, конечно, возможность освоить другие планеты, но это значит, что либо пошлют в ссылку меня с ровесниками, выгнав на незнакомые пространства Галактики и обрекая на неутолимую ностальгию, либо улетят от нас все юные, оставив Землю старейшинам, невыносимым маразматикам, бесконечно пережевывающим набившие оскомину воспоминания.

Кто гарантирует, что мне не опостылеют даже те вещи, которые в первые сто лет жизни удивляли ме-

1 *Struggle for life* (англ.) — борьба за жизнь.

ня, радовали, казались открытием? Будет ли счастливым тысячное перечитывание «Илиады» или неизмеримое по счету прослушивание «Хорошо темперированного клавира»¹? Смогу ли я терпеть рассветы, розы, цветущие луга, медовый аромат? *Perdrix, perdrix, toujours perdrix...*²

Начинаю подозревать, что грусть, охватывающая меня при мысли, что смерть лишит меня богатого опыта, — та же грусть, что охватывает при мысли, что при достаточно долгом владении этот богатый опыт, поблеклый и, быть может, заплесневелый, начнет меня тяготить.

Наверное, правильной продолжать в отведенный мне срок закладывать в бутылки записки тем, кто придет и будет жить после нас, а самому спокойно дожидаться той дамы, которую Франциск в свое время называл в лицо Сестрицей Смертью.

1 «Хорошо темперированный клавир» (1722-1744) — сборник из 24 прелюдий и фуг немецкого композитора Иоганна Себастьяна Баха (1685-1750).

2 *Toujours perdrix (фр.)* — всегда куропатка (в значении «одно и то же, пусть хорошее, надоедает»). Восходит к анекдоту о короле, который приказал кормить попрекавшего его распутством исповедника одними куропатками (его любимым блюдом), чтобы на жалобу его «вечно куропатки» отвечать так и мне прискучила одна-единственная любовница. Анекдот приобрел популярность в изложении английского писателя Хорэса Уолпола (1717-1797).

Содержание

Шагая раком 7

I

Война, мир и ни то ни се

Несколько соображений о войне и мире 17

От Пра-пра-войны к Холодной войне 18

Нео-война в Персидском заливе 19

Нео-война в Косово 29

Афганистан 31

Возможный крестовый поход. Сценарий 38

Всеобщий мир 47

Локальные замирения 52

Любить Америку, но и устраивать марши мира 55

Сценарий для Европы 64

Волк и ягненок Риторика бессовестности 75

Норберто Боббио: пересмотренное представление о назначении ученого 107

Просвещение и здравый смысл 130

От игры к карнавалу	140
Утраченная укромность частной жизни.	149
О политкорректности	167
О частных школах	181
Наука, технология и магия.	190

II

Хроники деспотизма

По ком звонит колокол. Призыв 2001 года к моральному референдуму.	206
Избирательная кампания 2001 года и пра-пра-коммунистические технологии.	215
О популизме в СМИ	228
Именем итальянского народа.	228
Цапаться ли с Берлускони?	231
Очи дуче.	252
Птичекжаль.	258
Что ему делать в Парламенте?	262
Популизму — да, митингам — нет!	264
Как заключить контракт с древними римлянами	269
Мы и иностранцы.	273
Мусор и бананы.	273
Гребет или табанит?	277
Легко сказать.	280
МывТехасе, красавчик!	284
Поработаем ревизионистами.	288
Воспоминания моей фашистской юности.	288
Очевидное-потаенное.	290
Гегемония левизны в культуре.	296

Было ли лучше, когда было хуже?	308
Макарони «Кунигунда».	312
Привесочек о дерьме.	316
Хроники последнего периода империи.	319

III

Возврат к Большой игре

От Ватсона до Лоуренса Аравийского.	324
Эту историю я уже слышал.	324
Подготовиться, почитать.	328
Чтоб воевать, необходима культура.	332
Побеждает и неправый.	336
Хроники Большой игры.	340
Слова — камни.	345
Война слов.	345
Те, кто «понимает» бен Ладена.	347
Фундаментализм, интеграл изм, расизм.	351
Гражданские войны, сопротивление и терроризм.	356
Возврат в семидесятые годы.	361
Камикадзе и гашишины.	369

IV

Возврат к крестовым походам

Священные войны, страсть и разум.	374
Торг в полиэтническом обществе.	396
Трансляция из Иерусалима.	405
Мисс, фундаменталисты и прокаженные.	415
Что же делать с пра-адамитами?	419

V

«Полное собрание» и то,
что в него не поместилось

Корни Европы	424
Распятие, инструкция для пользователя	428
О душе зародышей	436
Случайность и Промысел	441
Руки прочь от Моего Сына!	445
Привесочек	450
Те, кто больше не верит в Бога, верят во все подряд	450
Верят в Нулевой год	450
Верят в алхимию	454
Верят в экстрасенсов	462
Верят в тамплиеров	466
Верят Дэну Брауну	470
Верят в Предание	474
Верят в Гермеса Трисмегиста	479
Верят в Третью Тайну	483
Позиция церкви по вопросу гражданского брака и что говорит на эту тему кардинал Руини	486
В каком смысле релятивизм?	490

VI

Защита расы

Итальянцы-антисемиты?	494
Заговор	499
У меня у самого есть друзья	505

У нее у самой есть друзья	509
---------------------------------	-----

VII

Ну хоть повеселимся, что ли

Дар пост-видения	514
Как выбирают президента	517
Вот славная игра	520

VIII

Сумерки начала тысячелетия

Сон	523
На плечах великанов	529
О плюсах и минусах смерти	573